

Ю.М. ГАЛЕНОВИЧ

**"ДЕСЯТЬ
ЖИЗНЕЙ..
ВАН МИНА**

Москва
2018 год

Юрий Галенович
Десять жизней Ван Мина

НФ «Антонио Менегетти»

2019

УДК 63.3(5)
ББК 929

Галенович Ю. М.

Десять жизней Ван Мина / Ю. М. Галенович — НФ «Антонио Менегетти», 2019

ISBN 978-5-906601-40-7

В истории КПК были люди, лидеры, которые твердо противостояли политике Мао Цзэдуна. Одним из них был Ван Мин. Он принадлежал к поколению руководителей КПК, родившихся в конце XIX – начале XX века, активно действовавших особенно во второй и третьей четверти прошлого столетия. Сегодня, в XXI веке, становится все более явственной необходимостью снова обратиться к сопоставлению их взглядов и действий с взглядами и действиями Мао Цзэдуна с тем, чтобы попытаться глубже понять, что происходило в Китае в те времена, и происходит в наше время. Жизнь Ван Мина сложилась из перемежавшихся периодов пребывания в Китае и в России (СССР). У Ван Мина оказалось как бы «десять жизней», каждая из которых была полна важных событий и для Китая и для наших взаимоотношений с Китаем. Ван Мин был одним из подлинных друзей нашего народа и нашей страны.

УДК 63.3(5)
ББК 929

ISBN 978-5-906601-40-7

© Галенович Ю. М., 2019
© НФ «Антонио Менегетти», 2019

Содержание

Вместо пролога	5
Предисловие	6
«Десять жизней» Ван Мина	9
1. В Китае: 1904 –1925 гг.	10
2. В СССР: 1925 –1927 гг.	12
3. В Китае: 1927 год	15
4. В СССР: 1927–1929 гг.	18
5. В Китае: 1929 –1931 гг.	23
6. В СССР: 1931–1937 гг.	31
7. В Китае: 1937–1950 гг.	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юрий Галенович «Десять жизней» Ван Мина

Вместо пролога

Юрий Михайлович Галенович не просто автор этой книги, он великолепный знаток китайского языка, а также истории, культуры, менталитета, политики, психологии, традиции и этнографии Китая и китайцев.

Тема «Ван Мин» в самом Китае до сих пор считается «архичувствительной», то есть, «не безопасной» для всякого, решившего писать о ней правдиво и достоверно. За пределом Китая и некитайцам это действительно трудно себе представить, но такова реальность.

Вместе с тем, XXI век шагает и по Китаю. Неудержим интерес новых поколений жителей Поднебесной к данной теме. Нынешней высшей власти страны приходится считаться с умонастроением масс и лавировать между маоистской фальшивой схемой и стремлением людей к истине. Как компромисс, власть порой допускает заметные проблески правды – если только они не направлены прямо против Мао Цзэдуна, ушедшего в иной мир более четырех десятилетий назад. Причем там почти всем известно, что по его вине погибло не менее 140 млн китайцев только за три года (1959–1962) его правления страной.

Не удивительно поэтому, какое весомое место в книге занимают взаимоотношения Ван Мина с Мао Цзэдуном. Убежденный коммунист Ван Мин всю жизнь боролся против всех врагов своих убеждений и, – пусть это не покажется странным, – прежде всего против Мао Цзэдуна. На эту борьбу он отдал все, включая свою жизнь.

В данной монографии, с рукописью которой меня знакомил сам автор, несомненно, максимально правдиво отражены сложнейшие перипетии в биографии ее героя во всей (на сегодня) русскоязычной литературе. Остается лишь пожелать, чтобы на Родине Ван Мина, на китайском языке, в обозримом будущем появилась не менее правдивая книга о его жизни.

*Ван Даньчжи от всей души.
17.10.2018 Москва*

Предисловие

В конце 1988 года, впервые после разрыва в 1960-х гг. связей между КПСС и КПК, в Москве побывала делегация из Пекина во главе с директором Института реформы экономической структуры Чэнь Ицзы. В составе делегации находился и спичрайтер тогда генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзяня. Практически это была первая делегация членов КПК, посетившая СССР после 24-летнего перерыва межпартийных связей. Делегация была принята и побывала в здании ЦК КПСС, где имела сначала встречу в одном из отделов ЦК партии, а затем и беседу с помощником генерального секретаря ЦК КПСС Г. Х. Шахназаровым.

Делегация, очевидно, удивила его с самого начала, поставив на стол звукозаписывающее устройство и попросив разрешения записать беседу. Пришлось согласиться. В ходе обмена мнениями делегация поставила вопрос о том, как действовать коммунистическим партиям обеих стран тогда, когда в парламентах обоих государств возникнет многопартийность, какую работу и как вести коммунистическим фракциям в таком парламенте. Вопрос был поставлен и повис в воздухе, но он дал понять настроения генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзяня. Внимательное отношение к этому, появление возможности находить взаимопонимание между партиями, могло бы помочь при подготовке к встрече с Чжао Цзянем в 1989 году во время визита М. С. Горбачева в Пекин. К сожалению, генеральный секретарь ЦК КПСС к содержательной беседе с генеральным секретарем ЦК КПК Чжао Цзянем в то время был не готов; отказался он и от предложенного ему Чжао Цзянем диалога с китайскими студентами в Пекине в мае 1989 года.

В Москве делегация Чэнь Ицзы попросила организовать посещение могилы Ван Мина на Новодевичьем кладбище. Это было сделано. Делегация отдала дань памяти Ван Мина, захоронение которого и могила Н. С. Хрущева находятся недалеко одно от другой.

Сама просьба о посещении места упокоения Ван Мина, визит делегации на Новодевичье кладбище, все это имело большое значение. Это показывало, что после многих лет намеренного забвения, осуждения деятельности Ван Мина, в руководстве КПК в конце 1980-х гг. считали возможным и необходимым показать руководителям КПСС, что отношение к Ван Мину становится иным, чем при правлении Мао Цзэдуна. Очевидно, что это должно было свидетельствовать и о пересмотре в КПК роли Ван Мина в истории партии.

Ван Мин – это единственный руководитель КПК, который похоронен в Москве.

Попутно не забудем о том, что в Москве продолжают находиться останки Линь Бяо. Может быть, придет время, когда их передадут для захоронения в Китай.

Линь Бяо погиб при крушении его самолета в Монголии. Он, как и Ван Мин, был вынужден спастись от преследований Мао Цзэдуна. Когда Линь Бяо улетел из КНР и, вероятно, направлялся в СССР, возникала, вполне естественно, перспектива его встречи с Ван Мином.

Ван Мин и Линь Бяо входили в руководство КПК, находились на самом верху. Ван Мин в свое время фактически исполнял обязанности генерального секретаря ЦК КПК, по сути дела, был «первым лицом» в партии или «одним из двух первых лиц», так как к положению «вождя» стремился Мао Цзэдун. Линь Бяо в конце 1960-х – начале 1970-х гг. был единственным заместителем председателя ЦК КПК, считался преемником Мао Цзэдуна и формально был «вторым лицом» в партии.

Жизнь Ван Мина и Линь Бяо окончилась вне пределов Китая. В чем-то их судьбы схожи.

Представляется естественным обращение снова к истории и того и другого.

В данном случае сосредоточимся на Ван Мине и его взаимоотношениях с Мао Цзэдуном, исходя, прежде всего, из того, что Ван Мин был человеком твердых убеждений, которые он непреклонно отстаивал в борьбе против взглядов и политики Мао Цзэдуна.

Начиная учебу на китайском отделении Московского института востоковедения в 1949 году, через некоторое время, на втором курсе, я взял в находившейся в институте Синологической библиотеке почитать работу на китайском языке, автором которой был Ван Мин. Затем даже само это имя на многие годы исчезло для большинства людей в нашей стране, в том числе и для меня, хотя я и занимался изучением Китая. Почти два последних десятилетия своей жизни Ван Мин провел в нашей стране. Он жил в нашей стране с 1956 года, умер в 1974 году. Он даже выступал со своими работами. И все же, он как бы и не существовал. Правда, его похоронили на Новодевичьем кладбище. Все это говорило о сложной судьбе этого человека, и о том, что его фигура много значила и в Китае, и в нашей стране.

Прежде всего, сообщим нашим читателям трактовку биографии Ван Мина в современной КНР.

Ван Мин. (1904–1974). Имя, полученное при рождении: Чэнь Шаоюй. Уроженец городка Цзиньчжай в провинции Аньхой. В 1925 году вступил в КПК. Затем был направлен на учебу в московский Университет имени Сунь Ятсена. После возвращения в Китай в 1926 году был назначен секретарем отдела пропаганды ЦК КПК, редактором журнала «Сян дао (Вожатый)». После поражения великой революции снова отправился в Советский Союз, где работал в упомянутом Университете имени Сунь Ятсена. После шестого съезда КПК в Москве стал секретарем партийной ячейки в этом университете, где организовал фракционную группку «двадцати восьмью с половиной (большевиков)». В 1929 году возвратился в Шанхай, где вел подпольную партийную работу. В 1930 году написал брошюру под названием «Лян тяо лу сянь – Две линии», в которой выступил против ЦК партии, сформированного после третьего пленума ЦК КПК шестого созыва, выдвинув тем самым политическую программу «лево» уклонистского толка в новых условиях. В конце того же года стал секретарем партийного комитета КПК провинции Цзянсу. 7 января 1931 года на четвертом пленуме ЦК КПК шестого созыва, в силу не нормальной поддержки представителя Коминтерна, стал членом ЦК партии, членом Политбюро ЦК; вскоре, 27 января, на заседании Политбюро ЦК КПК стал также членом Постоянного Комитета Политбюро, возглавил повседневную работу ЦК. «Лево» уклонистский авантюризм, с ним в качестве представителя этого авантюризма, начал захватывать руководящее положение в ЦК партии, и это господство продолжалось четыре года, что нанесло партии и делу революции серьезный урон. В том же (1931) году после ареста генерального секретаря ЦК КПК Сян Чжунфа, был назначен исполняющим обязанности генерального секретаря. В октябре отправился из Шанхая в Москву, где стал руководителем делегации КПК при Коминтерне. В январе 1934 года на пятом пленуме ЦК КПК шестого созыва в продолжение (существовавшего положения) был избран членом Постоянного Комитета Политбюро ЦК. В 1935 году присутствовал на седьмом конгрессе Коминтерна, где был избран членом исполкома Коминтерна и кандидатом в члены его секретариата. В этот период составил проекты нескольких документов для ЦК КПК, имеющих отношение к созданию и развертыванию единого фронта нации в борьбе против агрессии японского империализма; например, декларацию. 17 января 1933 года, «Декларацию 1 августа» 1935 года, что сыграло активную роль. В ноябре 1937 года возвратился в Яньань, продолжил занимать посты члена Постоянного Комитета ЦК КПК, секретаря секретариата ЦК КПК; в декабре на заседании Политбюро ЦК КПК выступил с ошибочной правоуклонистской платформой по вопросу о Войне за оказание отпора Японии в масштабах всей страны; затем стал секретарем Чанцзянского бюро (бюро по району реки Янцзы) ЦК КПК. В 1938 году подвергся критике на шестом пленуме ЦК КПК шестого созыва. Затем занимал посты заведующего отделом единого фронта ЦК, председателя комитета женского движения. В 1945 году на седьмом съезде КПК был избран членом ЦК партии. В период Войны за освобождение всей страны занимал пост председателя комитета по законодательству ЦК КПК. После образования КНР был членом комитета

по законодательству Центрального Народного Правительства, заместителем председателя политико-юридического комитета, в январе 1956 года выехал в СССР. В сентябре того же года на восьмом съезде КПК был по-прежнему избран членом ЦК партии. Однако он так все время и оставался в СССР, написал целый ряд статей, открыто выступая против КПК и КНР. В марте 1974 года в результате болезни умер в Москве.

Чжун гун чжун ян цзу чжи жэнь ши цзянь мин ту пу (Краткий атлас организационно-кадровой структуры ЦК КПК) / Главный составитель и редактор: Чжан Хэн. – Пекин: «Чжун го гуан бо дянь ши чу бань шэ – Издательство радио и телевидения Китая», июль 2003 года. Стр. 122.

В свое время мне довелось написать работы о ряде руководителей КПК, которые были противниками действий Мао Цзэдуна и его последователя Дэн Сяопина.

Вот перечень этих работ:

Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун. Политические лидеры Китая XX века. – М.: «Огни», 2005.

Гибель Лю Шаоци. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.

Возвращение Лю Шаоци. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008.

Дао Ху-гуна [О Ху Яобане]. В 2-х кн. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. Книга 1. Жизненный путь Ху Яобана. Книга 2. Подвиг Ху Яобана.

Чжао Цзыян и реформы в Китае. – М.: «СПСЛ»; «Русская панорама», 2012.

Постепенно возникало представление о необходимости добавить к этому ряду имя Ван Мина.

Появление книги о Ван Мине, созданной его вдовой Мэн Циншу и его сыном Ван Даньчжи, побудило обратиться к этой теме. Мы имеем в виду следующую работу:

Мэн Циншу (автор, составитель). Чэнь Шаоюй – Ван Мин. Биография, Воспоминания. / Перевод с китайского языка и редактирование Ван Даньчжи. – Издание первое. – СМ.: БФ «Онтопсихология», 2011. (Существуют два издания этой книги: на русском и на китайском языке.)

Это труд, который составлен родными Ван Мина. В нем они изложили его взгляды. Таким образом, читатели получили возможность ознакомиться, по сути дела, со своего рода «воспоминаниями» и «заветами» самого Ван Мина, с его взглядами на то, что происходило и в руководстве КПК, и во взаимоотношениях между руководителями КПК и ВКП(б).

Думается, что с позиций сегодняшнего дня можно и нужно обратить внимание на некоторые штрихи картины жизни и деятельности Ван Мина с тем, чтобы пополнить представление о ряде деятелей КПК, у которых были те или иные разногласия с Мао Цзэдуном. Это дает возможность глубже понять и историю КПК, и то, в чем заключалась суть борьбы внутри КПК между «путем» Мао Цзэдуна и его последователей и тем, что предлагали и за что выступали все упомянутые деятели, каждый из них, естественно, по-своему и в условиях своего времени.

Итак, мы будем основываться, главным образом, на содержании упомянутой книги. При цитировании будем указывать (в скобках) ее соответствующие страницы.

«Десять жизней» Ван Мина

В жизни Ван Мина выделяются десять ее периодов. При этом чередуются пребывание и работа в Китае и в СССР.

Собственно говоря, и в этом видно то, насколько тесно были переплетены и взаимосвязаны судьбы людей нашей страны и Китая в двадцатом столетии.

Очевидно, что есть основания говорить даже о том, что были такие десятилетия: двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые годы, когда совпадавшие национальные интересы были в большой степени осознаны и связали наши народы, наши страны, и, благодаря этому, создавали основу для вечного мира, дружбы и сотрудничества в наших взаимоотношениях.

И здесь важно видеть, что наша сторона всегда была открыта для развития именно таких отношений, понимала необходимость соблюдения главных коренных принципов в наших двусторонних отношениях, а это: вечный мир, абсолютная независимость и полное равноправие.

В Китае были люди, с которыми у нас существовало взаимопонимание на упомянутых принципах.

В то же время были и те, кто препятствовал развитию наших двусторонних отношений в этом направлении.

Ван Мин был искренним другом нашей страны, а, точнее, он являлся сторонником дружественных взаимоотношений между Китаем и Россией.

Мао Цзэдун враждебно относился к нашему народу и нашей стране.

Именно с этого угла зрения важно взглянуть на борьбу между Ван Мином и Мао Цзэдуном, на борьбу, которая происходила в те годы в руководстве КПК.

Здесь важно обратить внимание на то, что и Ван Мин, и Мао Цзэдун были не только «природными китайцами», то есть что они не были ничьими марионетками, но и на то, что внутри Китая, среди китайцев были люди, с которыми мы могли находить и находили общий язык на основе рационального или разумного подхода и все тех же упомянутых принципов, а были и те, кто исходил из иррациональных и не обоснованных представлений о нашем народе и нашей стране как о якобы тех, кто пытался навязывать Китаю и китайцам свое господство и свой контроль. Причем эти их взгляды привели к появлению ситуации, когда им, прежде всего, Мао Цзэдуну, удалось всего за десять лет (1959–1969 гг.) изменить отношение к нам, как к подлинным друзьям и союзникам, и настроить население Китая на отношение к нам, как к якобы национальному, историческому, классовому и военному врагу Китая. В этом заключалась суть действий, политики и мыслей Мао Цзэдуна. Против этого, именно этого, за вечный мир, дружбу и сотрудничество в наших отношениях боролся Ван Мин.

1. В Китае: 1904 –1925 гг.

Прежде всего, необходимо сказать, что речь идет о человеке по имени Чэнь Шаоюй, который взял псевдоним «Ван Мин». «Ван» – одна из самых распространенных китайских фамилий, типа наших «Иванов, Петров, Сидоров», а «Мин», то есть его имя, означает «проницательный, ясный и понятный».

Чэнь Шаоюй родился в 1904 году в городке Цзиньчжай уезда Люань провинции Аньхой. Дед Чэнь Шаоюя был сельским учителем. У отца был небольшой магазин. В своем городке Чэнь Шаоюй прожил до 15 лет. Затем он навсегда покинул родные места.

Мальчик с ранних лет жил в семье, где царил дух поддержки бедных и принцип справедливости.

Чэнь Шаоюй с ранних лет тяжело трудился. В частности, он зарабатывал каллиграфией. К этому у него были способности от природы. Его тогда называли «ученым мальчиком». Выдающиеся умственные способности проявились у Чэнь Шаоюя еще в раннем детстве.

Несмотря на материальные трудности, родители стремились дать Чэнь Шаоюю образование. С 6 до 15 лет он ходил в «частные классы». Его образование началось с того, что он выучил наизусть «*Бай цзя син* – Сборник ста фамилий» и «*Сань цзы цзин* – Троеслобие».

Таким образом, он получил то, что можно считать классическим или традиционным начальным образованием в Китае. И в то же время, начав писать стихи с 9 лет, мальчик выступил в них против одного из конфуцианских запретов: запрета дневного отдыха для учеников. Конфуций и другие мудрецы и «старшие» были для него «не указ». Один из его учителей, видя способности мальчика, пророчески сказал, что «просвечивающий ум не ведет к долголетию». (С. 36.)

Чэнь Шаоюй очень хотел учиться. В 15 лет, то есть в 1920 году, с огромным трудом набрав средства для оплаты учебы, он поступил в среднюю школу – Третью сельскохозяйственную школу первой категории провинции Аньхой в уездном городе Люане. Учился он по всем предметам «на отлично», а это были: китайский язык, английский язык, математика, физика, химия, география, история Китая, всемирная география, и ряд сельскохозяйственных предметов. Люди, которые видели его тогда, свидетельствовали: у него «высокий, чистый лоб, правильные черты лица; это человек с большим будущим». (С. 43.)

В 1924 году Чэнь Шаоюй начал учиться в Высшем коммерческом училище в Ухане. Осенью 1924 года он стал членом Коммунистического союза молодежи Китая.

1925 год был первым годом Великой революции 1925–1927 гг., проходившей под руководством Компартии Китая. (С. 56.)

В 1925 году Чэнь Шаоюй стал членом КПК.

Итак, Чэнь Шаоюй родился и вырос в Китае. Принадлежал к семье и к такому слою людей, которые от природы были наделены умом и стремлением активно участвовать в политической жизни страны.

Он получил в Китае максимально возможное в то время для человека «его круга» образование. К своему совершеннолетию он был готов самым активным образом участвовать в политической жизни и работе.

Чэнь Шаоюй сам выбрал для себя и политическую партию, и политические взгляды, с которыми он был согласен. Это была коммунистическая партия, и это были марксистские взгляды. Может быть, он видел в них и свои идеалы, и метод борьбы против того, с чем не мог мириться в жизни своей страны в то время.

Вполне естественным для человека, который встал на сторону КПК, было стремление получить дополнительные знания, образование, подготовку в СССР с тем, чтобы, обязательно

вернувшись после этого в Китай, бороться против существовавшего там, неприемлемого, с его точки зрения, политического режима, за идеалы, которые представлялись ему идеалами коммунистов, китайских коммунистов.

Здесь важно подчеркнуть, что в ситуации того времени, в первой половине и в середине 1920-х гг., многие люди Китая, прежде всего, коммунисты, но и гоминьдановцы, исходили из того, что на всем земном шаре только наш народ и наша страна оказались естественными союзниками и друзьями, братьями и товарищами, в их борьбе за Новый Китай, за обретение нацией Китая самостоятельности в сообществе наций, и за революцию в Китае в целях создания лучших условий для жизни людей в Китае.

Многие из этих людей действительно считали, что у них и людей нашей страны есть основа для взаимопонимания и взаимодействия, существует совпадение коренных национальных интересов двух народов и стран, а это необходимо и китайцам.

Конечно, были и некоторые иные среди коммунистов и гоминьдановцев, в том числе и в Китае, и в СССР, которые считали выгодным только на определенном этапе использовать помощь и поддержку с нашей стороны, но не видели в нас искренних союзников и друзей.

Возможно, именно эти разные взгляды на наш народ и нашу страну, и разделили, в частности, Ван Мина и Мао Цзэдуна.

2. В СССР: 1925 –1927 гг.

В том же (1925) году Ван Мин добился включения в группу людей, отправлявшихся на учебу в Советский Союз. Это было его самостоятельное осознанное решение. Очевидно, что оно вытекало и из сложившегося у него к своему совершеннолетию, а ему в 1925 году исполнился 21 год, отношения и к нашей стране, и к взаимоотношениям между китайцами и русскими.

25 декабря 1925 года Чэнь Шаоюй на советском пароходе приплыл в СССР. Тем же рейсом прибыли Чжан Вэньтянь, Ван Цзясян, Цай Хэсэн, Ли Лисань и др.

Чэнь Шаоюй был в первой группе студентов, прибывших в московский Университет имени Сунь Ятсена. Занятия в университете начались 14 марта 1926 года.

Чэнь Шаоюй был членом бюро комсомольской ячейки и одновременно входил в состав бюро ячейки ВКП(б) Университета имени Сунь Ятсена, в обоих случаях отвечая за пропаганду.

Он активно выступал против деятельности «московской ячейки КПК», находившейся под воздействием генерального секретаря ЦК КПК Чэнь Дусю. Эта ячейка, с его точки зрения, выступала против изучения ленинизма, советского опыта и против изучения русского языка. При этом утверждалось, что каждый член партии – всего лишь винтик, а руководитель – мастер с гаечным ключом. (С. 66.) С точки зрения Ван Мина, методы, применявшиеся «московской ячейкой», очень похожи на приемы Мао Цзедуна, начиная с «кампании по упорядочению стиля» в Яньани (с 1942 г.). (С. 67.)

По решению Коминтерна и ЦК ВКП(б) «московская ячейка» была распущена. По решению бюро ячейки ВКП(б) Чэнь Шаоюй написал статью «Московская ячейка с разных сторон». (С. 67.)

В конце 1926 года Чэнь Шаоюя избрали председателем студенческой коммуны Университета имени Сунь Ятсена. Секретарем этой коммуны стал коммунист из дунган Ма Цзюнь. (С. 68.) У Чэнь Шаоюя тогда был псевдоним «Голубев». В начале 1927 года Чэнь Шаоюй был принят в члены ВКП(б).

Итак, первое пребывание Чэнь Шаоюя в СССР, по сути дела, продолжалось всего около года. Он прибыл в нашу страну в самом конце 1925 года, провел там чуть больше года, то есть весь 1926 год и менее двух месяцев 1927 года.

Молодой китайский человек, попав в Москву, оказался в необыкновенно сложной ситуации.

Он до приезда в СССР не знал русского языка. Ему пришлось приложить огромные усилия с целью овладения русским языком. Ситуация потребовала владения русским не только для себя, не только для повседневной жизни и учебы, не только для того, чтобы начать читать литературу. Прежде всего, политическую литературу на русском языке, через русский языкзнакомиться с работами Маркса и Ленина, но и для того, чтобы уметь разговаривать с людьми из СССР, причем на самом высоком политическом уровне. Выступать в известных случаях в качестве переводчика. Всего этого требовала жизнь. Ко всему этому стремился сам Чэнь Шаоюй. И он оказался человеком, у которого были природные способности, позволившие ему быстро, фактически за год, решить все эти задачи.

Но, дальше больше, Чэнь Шаоюй, приехав в Москву, оказался на своего рода «оживленном политическом перекрестке». Ему пришлось реагировать на необходимость находить понимание и с людьми из Китая, а это были и коммунисты, в том числе сторонники тогдашнего генерального секретаря ЦК КПК Чэнь Дусю, и гоминьдановцы, которых направили учиться в СССР.

Мало того, ему пришлось иметь дело с представителями ВКП(б) – СССР, с политикой советской стороны в отношении революционных сил Китая.

Так он сразу же столкнулся с необходимостью определиться, определить свое отношение к политике «советских товарищей».

А в это время в ВКП(б) шла ожесточенная борьба, в том числе, и по вопросу о политике в отношении Китая.

Чэнь Шаоюю пришлось выбирать сторону и в этой борьбе.

Важно также иметь в виду, что тогда такому человеку из Китая, каким был Чэнь Шаоюй, пришлось стать членом двух политических партий: ВКП(б) и КПК.

Сложнейшая политическая ситуация потребовала быстрой и умной реакции.

Оказалось, что Чэнь Шаоюй был готов к такой жизни и деятельности.

Здесь необходимо также заметить, что Чэнь Шаоюй твердо встал на сторону тех людей, которые выступали за союз с представителями советской стороны. Он осудил сторонников Чэнь Дусю, которые с подозрением относились к «советской стороне». Ему также претило стремление Чэнь Дусю, а также его сторонников, считать рядовых членов партии лишь «винтиками» а самих себя – «мастерами с гаечным ключом». Так Чэнь Шаоюй изначально, очевидно по своей природной склонности, оказался и сторонником демократии в партии, в обществе, и противником культа вождя внутри коммунистической партии, и противником мысли о якобы необходимости для всех китайцев с подозрением относиться к иностранцам, очевидно, прежде всего, к людям из СССР.

Наконец, сложность ситуации для Чэнь Шаоюя была и в том, что ему пришлось приспособиться к существованию и деятельности Коминтерна.

Дело тут в том, что Коминтерн, конечно, во многом зависел от ВКП(б) – СССР. Но в то же время это была международная организация с участием огромного числа людей из самых разных стран. Найти в ней свое место, заслужить или обрести доверие и советской стороны и руководства Коминтерна, все это потребовалось от Чэнь Шаоюя. И он справился с решением этой задачи. Хотя, конечно же, это осложнялось присущей коммунистическим партиям недоверием и подозрительностью ко всем и вся, в том числе в своих рядах.

Таким образом, приехав в СССР перед новым 1926 годом, Чэнь Шаоюй уже в начале 1927 года стал членом ВКП(б), продолжая быть членом КПК. Мало того, он обрел определенное доверие и ВКП(б), и Коминтерна, которые увидели в нем человека, который действительно выступал за прочный союз китайских коммунистов и с Коминтерном и с ВКП(б).

Можно также обратить внимание еще на одну деталь. Чэнь Шаоюй в Москве установил хорошие отношения с Ма Цзюнем.

Ма Цзюнь был не ханьцем, а дунганином. Добрые отношения между ханьцами и дунганами – это, во всяком случае, не повсеместные явление. Ма Цзюнь в дальнейшем был близким сотрудником Чжоу Эньлая. Очевидно, что были некие обстоятельства, видение тех или иных сторон политики, которые позволяли Чэнь Шаоюю находить общий язык на протяжении определенного времени и при определенных обстоятельствах, в частности, с Чжоу Эньлаем и с Ма Цзюнем. Это также свидетельствовало, что у Чэнь Шаоюя были разносторонние способности и таланты, в том числе и такие, благодаря которым он умел привлекать к себе людей, обрастал знакомыми и друзьями.

Одним словом, Чэнь Шаоюй в первый же год проживания в СССР показал себя чрезвычайно способным человеком, пригодным для участия в сложной внутрикитайской и международной коммунистической политической деятельности.

Ко всему этому здесь же необходимо добавить следующее.

Судьба Чэнь Шаоюя дает возможность задуматься и над вопросом о взаимоотношениях между Россией и Китаем, между нашими двумя нациями, то есть между нашими двумя наро-

дами и двумя странами, между людьми из нашей страны и людьми из Китая, между человеком России, и человеком Китая. Оказывается, что и в той, и в другой стране были и есть люди, способные искренне относиться друг к другу, находить взаимопонимание, доверять друг другу.

В то же время вполне очевидно, что таким людям приходится не просто. Судьба их часто бывает трагична. Особенно вследствие политики и действий тех, кто в руководстве, особенно КПК, с подозрением и недоверием относился и относился к не китайцам, к людям нашей страны.

Представляется также, помимо всего того, о чем уже было сказано, что здесь важно попытаться понять, что происходило в то время в Китае, в Коммунистической партии Китая.

Во главе партии с 1921 года по 1927 год находился Чэнь Дусю (1879–1942).

Очевидно, что Чэнь Дусю, и сам, учитывая взгляды руководителей Коминтерна, действительно принимал мысль о необходимости и возможности сотрудничества между КПК и Гоминьданом. Для него это «первое по счету в истории сотрудничество между КПК и Гоминьданом или между Гоминьданом и КПК» было не тактическим маневром, не обманым приемом, а линией, которая отвечала совпадавшим интересам КПК и Гоминьдана.

Возможно, что при этом две стороны, то есть, с одной стороны, Коминтерн, а, с другой стороны, КПК, оставаясь при руководстве со стороны Чэнь Дусю Компартией Китая, в существенной степени двумя отдельными и самостоятельными субъектами интернациональных взаимоотношений, действительно пришли к мысли о возможности союза или сотрудничества Гоминьдана и КПК в борьбе за общие интересы внутри Китая.

В то же время уже в 1926 году ситуация в Москве сложилась таким образом, что находившиеся там сторонники взглядов Чэнь Дусю исходили из стремления придавать сплочению китайцев, то есть китайцев – коммунистов и китайцев – гоминьдановцев, большее значение или первостепенное значение, по сравнению со сплочением китайцев – коммунистов и советских коммунистов. Своего рода национализм китайцев при этом оказывался в противостоянии с интернационализмом.

Чэнь Шаоюй исходил в то время из мысли о том, что совпадение взглядов и интересов китайских и советских коммунистов важнее своего рода подчеркивания самостоятельности, отъединения, обособленности китайцев и от русских, и от Коминтерна.

Представляется, что именно такая идейная позиция Чэнь Шаоюя и определила все его будущее.

Думается, что в этой позиции Чэнь Шаоюя нашла свое выражение тенденция, отвечавшая фактам, объективной действительности и объективному совпадению не просто воззрений коммунистов разных стран, но и коренных интересов наших двух народов и наших двух стран, то есть наших двух наций.

Чэнь Шаоюй, исходя из своего понимания интересов нации Китая, народа Китая, Китая, как страны, оказался твердым сторонником союза и дружбы между нашими двумя народами и странами.

Внешне, в ситуации того времени, это выразилось в установлении доверия между Коминтерном, его органами, его руководителями, его функционерами, а также между ВКП(б), ее органами, ее руководителями, его функционерами, с одной стороны, и Чэнь Шаоюем, с другой стороны.

Ван Мин выступил за сотрудничество китайцев с Коминтерном, с ВКП(б), с нашим народом и нашей страной, исходя из уверенности, убежденности в том, что этого требуют коренные интересы китайского народа, Китая как нации.

3. В Китае: 1927 год

Идя навстречу просьбе ЦК КПК, Отдел агитпропа ЦК ВКП(б) решил послать на помощь в работе нескольких советских и китайских товарищей в Китай и создал «Рабочую группу Отдела агитпропа ЦК ВКП(б) в помощь Отделу агитпропа ЦК КПК». В группу входил и Чэнь Шаоюй.

Основными задачами рабочей группы были две. Первая – помочь ЦК КПК наладить издание ежедневной газеты (для основания этого предприятия группа имела при себе 50 тыс. долларов). Вторая – создать курсы подготовки рабоче-крестьянских военно-политических кадров.

В начале февраля 1927 года рабочая группа отправилась из Москвы сначала во Владивосток, затем в Гуанчжоу, куда прибыла к 20 марта. (С. 75.)

Рабочая группа покинула Гуанчжоу 9 апреля, прибыла в Шанхай 14 апреля. О перевороте Чан Кайши, совершенном 12 апреля, она не знала.

18 апреля группа на пароходе отплыла из Шанхая. 22 апреля группа прибыла в русский селтльмент Ханькоу.

Здесь состоялась встреча с генеральным секретарем ЦК КПК Чэнь Дусю, который обладал решающим голосом и которого обычно в общении между коммунистическими партиями наших двух стран люди называли «Старик». С советской стороны ему был предложен план создания Рабоче-крестьянской Красной Армии и действительного вооружения рабочих и крестьян. (С. 81.) Чэнь Дусю не хотел открытия таких курсов. (С. 81.)

Чэнь Шаоюю поручили быть референтом отдела пропаганды ЦК КПК. Цюй Цюбо предложил ему поработать членом редколлегии журнала «Сяндао». Из-за неорганизованности и недисциплинированности в учреждениях ЦК партии наладить и эту работу не удалось.

В начале мая 1927 года в Ухане состоялся пятый съезд КПК. Чэнь Дусю ратовал за «поход на север», то есть против бэйянских милитаристов, а не за «поход на восток» против Чан Кайши. В итоге съезда Чэнь Дусю остался генеральным секретарем.

Чэнь Шаоюй участвовал в работе секретариата съезда, в основном как переводчик.

На пятом съезде Мао Цзэдун появился один раз, посидел недолго и ушел.

Мао Цзэдун был избран членом ЦК партии на ее третьем съезде. Его правооппортунистические взгляды подверглись критике со стороны Дэн Чжунся и других. На четвертом съезде КПК он не был избран в ЦК. На пятом съезде партии он снова был избран, но лишь кандидатом в члены ЦК. (С. 87.)

Чэнь Дусю считал, что китайская революция должна состоять из двух этапов. На первом этапе, этапе «буржуазной революции», коммунистическая партия не может руководить революцией, только буржуазия может руководить революцией. Правительство и вооруженные силы должны быть отданы в руки буржуазии. (С. 89.) Чэнь Шаоюй считал, что такой ЦК не может привести китайскую революцию к победе. (С. 90.)

К началу 1927 года и ВКП(б) и КПК оказались перед сложнейшими новыми для них проблемами. Заканчивался период, когда все стороны как будто бы договорились: СССР оказывал всестороннюю помощь Гоминьдану, его вооруженным силам в их походе из Гуанчжоу на Север или Северном походе в борьбе за объединение Китая под властью своего, то есть гоминьдановского, центрального правительства.

КПК все еще находилась в союзе с Гоминьданом, ее члены могли в индивидуальном качестве быть одновременно и членами Гоминьдана.

Это представляло собой уникальное явление в мировой политической истории и политической жизни: две главные политические партии страны вступали в некий, по сути дела временный и противоестественный симбиоз, формировали как бы одну партию. Однако оказа-

лось, что это было временное и мертворожденное дитя. Гоминьдан, особенно после смерти Сунь Ятсена и с приходом к власти Чан Кайши, видел все эти маневры во взаимоотношениях с СССР и с КПК как временные «рычаги», которые необходимо и можно использовать в целях захвата власти над Китаем.

Дело шло к появлению новой обстановки, в которой исчезали такие временные формы взаимоотношений, как сотрудничество СССР и Гоминьдана при условии, что Гоминьдан «допускает» КПК к участию и в политической жизни и к строительству вооруженных сил, и сотрудничество между Гоминьданом и КПК.

Очевидно, что весьма не простыми были и отношения ВКП(б) и КПК.

И все-таки стороны, ВКП(б) и КПК, нуждались одна в другой.

ЦК КПК попросил ЦК ВКП(б) направить в Китай группу «товарищей», которая помогла бы решить некоторые назревшие вопросы.

Речь шла, прежде всего, о взаимодействии при организации работы пропагандистского аппарата.

В Москве такая группа была сформирована. Группе понадобился переводчик. В качестве такого специалиста, исходя из оценки его политических и деловых качеств, был выбран обучавшийся в Москве китаец, член КПК и член ВКП(б) Чэнь Шаоюй, которому в Советском Союзе дали фамилию «Голубев».

Так Чэнь Шаоюй оказался вовлечен во взаимоотношения ВКП(б) и КПК.

Китайская сторона при этом нуждалась в деньгах для осуществления своей пропаганды. Группа Агитпропа ВКП(б) привезла в Китай 50 тыс. долларов на издание газеты.

В то же время при встрече с Чэнь Дусю, очевидно, выполняя задание Москвы, был поставлен вопрос о подготовке кадров вооруженных сил КПК. Предложен план создания рабоче-крестьянской Красной армии Китая и вооружения рабочих и крестьян.

Очевидно, что здесь и произошло, вероятно, первое, или одно из первых, заочных столкновений между взглядами Чэнь Дусю и Сталина.

В Москве руководство СССР, ВКП(б), Сталин пришли к выводу о том, что отныне в Китае КПК придется буквально воевать, вести внутреннюю войну, за власть с Гоминьданом. Следовательно, необходимы вооруженные силы.

Чэнь Дусю, со своей стороны, продолжал исходить из того, что все еще возможно некое сотрудничество, или совместные, или параллельные, но однонаправленные, действия в северном направлении, то есть фактически совместная борьба и КПК и Чан Кайши против общих противников – местных, провинциальных военных властителей, милитаристов. Во всяком случае, Чэнь Дусю отвергал превращение военной борьбы против Чан Кайши в главное направление политики КПК.

В этом, очевидно, находили свое выражение разные взгляды Сталина и Чэнь Дусю на ситуацию в Китае и на дальнейшие действия КПК.

Чэнь Шаоюй оказался в Ухане, где столкновение этих различных взглядов и происходило.

Чэнь Шаоюй работал в качестве переводчика на пятом съезде КПК, состоявшемся в Ухане в 1927 году. Здесь он впервые увидел, что происходило в руководстве КПК.

В частности, он увидел, что Чэнь Дусю придерживается того мнения, что на том этапе революции в Китае Компартия не должна претендовать на руководство пролетариатом, рабочими классом и крестьянством, но сотрудничать с буржуазией, исходя из того, что речь идет об этапе буржуазно-демократической революции.

Такова была точка зрения Чэнь Дусю.

Чэнь Шаоюй уже тогда приходил или пришел к мысли о том, что буржуазно-демократическая революция неизбежна и необходима, но КПК должна вести дело к социалистической революции.

Чэнь Шаоюй видел в буржуазии лишь временного союзника, которого можно использовать. Он считал, что Чэнь Дусю был не прав, предлагая уступать ведущую роль в революции национальной буржуазии страны.

В Китае в Ухане во время пятого съезда КПК Чэнь Шаоюй также стал свидетелем того, как Чэнь Дусю продолжил занимать пост генерального секретаря ЦК КПК. Очевидно, что Чэнь Шаоюй был с этим не согласен.

Тогда же Чэнь Шаоюй, вероятно, впервые узнал о поведении Мао Цзэдуна, который фактически не участвовал в работе пятого съезда, но обозначил свое присутствие на нем, побывав на протяжении короткого времени на одном из заседаний.

Чэнь Шаоюй также узнал о том, что Мао Цзэдун был членом ЦК после третьего съезда (1923 год), перестал им быть после четвертого съезда (январь 1925 года) и снова стал кандидатом в члены ЦК партии после пятого съезда (апрель – май 1925 года).

Итак, пятый съезд КПК оказался, в частности, первым съездом КПК, к которому, в разной степени, имели отношение и Чэнь Шаоюй и Мао Цзэдун. Мао Цзэдун в качестве делегата и будущего кандидата в члены ЦК. А Чэнь Шаоюй в качестве переводчика, члена группы, прибывшей из СССР, и номинального сотрудника пропагандистского аппарата ЦК КПК.

Последнее свидетельствовало о том, что в КПК уже тогда нашлись люди, в частности, Цюй Цюбо, которые оценили способности Чэнь Шаоюя в области пропагандистской и идейно-теоретической работы. Именно эта склонность оказалась одной из главных черт политической деятельности Чэнь Шаоюя.

Необходимо также обратить внимание на то, что это пребывание Чэнь Шаоюя в Китае было коротким. Оно составило всего несколько месяцев. Однако эта поездка дала Чэнь Шаоюю очень многое. Он как бы «прикоснулся» и к деятельности ЦК КПК в Китае и к деятельности ЦК ВКП(б) и Коминтерна в Китае, по отношению к Китаю, к КПК.

4. В СССР: 1927–1929 гг.

Чэнь Шаоюй возвратился в Москву в июле 1927 года.

Поскольку Чэнь Дусю отказался создавать курсы подготовки военных кадров из рабочих и крестьян, Коминтерн и ЦК ВКП(б) решили направить группу студентов КУТК в различные военные учебные заведения СССР для изучения военного дела. Было решено также отобрать лучших из студентов и направить в Институт красной профессуры для углубленной подготовки (С. 91.) В том числе Чжан Вэньтяня, Ван Цзясяна, Чэнь Шаоюя. (С. 93.)

Чэнь Шаоюй поддерживал линию Коминтерна. Был избран членом бюро партячейки КУТК. Чэнь Шаоюй отвечал в бюро за пропаганду и продолжал участвовать в руководстве борьбой против сторонников Чэнь Дусю и троцкистов в КУТК. (С. 94.) Противники Чэнь Шаоюя утверждали, что активных коммунистов и комсомольцев в КУТК было якобы всего «28 с половиной человек (28 с половиной большевиков)», и что они являются сторонниками Сталина и Чэнь Шаоюя. (С. 94.)

Между китайцами, учившимися в КУТК, тогда велись споры. Чэнь Шаоюй считал, что правильная линия – это линия Коминтерна, ЦК ВКП(б) и ЦК КПК, суть которой заключается в создании условий для спокойного изучения китайскими коммунистами и комсомольцами марксизма-ленинизма, опыта ВКП(б) и опыта китайской революции, чтобы по возвращении на родину лучше работать для партии, для революции. Ради этой цели необходимо раскритиковать троцкизм и чэньдусюизм, враждебные марксизму-ленинизму, ВКП(б), Советскому Союзу, Коминтерну и КПК. (С. 95.)

Очевидно, что все то, что Чэнь Шаоюю пришлось наблюдать и в чем ему, так или иначе, пришлось участвовать в 1926–27 гг., совпало с его представлениями об интересах Китая, китайцев в том смысле, что Чэнь Шаоюй пришел к мысли о том, что СССР, ВКП(б), Коминтерн действительно оказывали помощь КПК, поддерживали ее. При этом никакой опасности стать их марионеткой для КПК не возникало. Более того, никто не был способен навязывать свое мнение по кардинальным проблемам, по существенным вопросам, китайцам.

Здесь важным, с точки зрения Чэнь Шаоюя, в то время, оказались два вопроса. Во-первых, вопрос о подготовке военных кадров, кадров военачальников в СССР для КПК. Во-вторых, вопрос о теоретической, идейной подготовке кадров партийных работников в СССР для КПК.

И то, и другое представлялось Чэнь Шаоюю правильным и полезным для КПК, для Китая, для революции в Китае.

Поэтому Чэнь Шаоюй по возвращении из Китая твердо выступал за линию и политику ВКП(б), Коминтерна в отношении КПК. Ему особенно претил отказ Чэнь Дусю от помощи со стороны СССР в деле создания Красной армии в Китае. Это объяснялось теоретическими расхождениями между Чэнь Шаоюем и Чэнь Дусю по вопросу о характере революции в Китае.

Да, Чэнь Дусю был лидером КПК, а Чэнь Шаоюй всего лишь молодым членом партии, обучавшимся в Москве. Но здесь важно обращать внимание на суть политических воззрений и того и другого, а не на их положение в партии.

Чэнь Шаоюй оказался тогда в руководстве партийной работой в КУТК. Здесь вокруг него, прежде всего как талантливого мыслителя и теоретика-писателя, но и активного партийного работника, собрались единомышленники.

Впоследствии в КПК сторонники Мао Цзэдуна осуждали группу единомышленников Чэнь Шаоюя, презрительно называя их «двадцатью с половиной большевиками (один из них был человеком небольшого роста)», а также обвиняя их в том, что они являлись приверженцами Сталина.

Так сама жизнь, политическая борьба внутри КПК, выводы, к которым Чэнь Шаоюй приходил, оценивая ситуацию в Китае, привели его в число тех, кто поддерживал политический курс ВКП(б) и Коминтерна в отношении КПК. Естественно, что в условиях того времени это означало, что Чэнь Шаоюй поддерживал политическую линию Сталина по отношению к КПК.

Тогда-то и произошла первая встреча Чэнь Шаоюя со Сталиным.

Чэнь Шаоюй был «всего-навсего» членом партбюро ячейки КПК в КУТК, отвечал за пропагандистскую работу. Очевидно, что его, как и всех, находившихся тогда в СССР активных членов КПК, внимательно «изучали» «соответствующие органы». Они-то, возможно, и пришли к выводу, что Чэнь Шаоюя можно рекомендовать руководству ВКП(б) и Коминтерна в качестве китайского коммуниста, действительно настроенного в пользу совместной работы в общих совпадавших интересах. Вероятно, сыграло свою роль поведение Чэнь Шаоюя во время поездки рабочей группы ВКП(б) в Китай в первой половине 1927 года. И сам тот факт, что Чэнь Шаоюя отобрали и направили работать в эту группу в качестве переводчика, и то, как он вел себя во время этой поездки, какую политическую позицию занимал, привели тех, кто определял тогда его судьбу, к выводу о том, что ему можно доверять.

Чэнь Шаоюю было в 1928 году «всего» 24 года. Однако именно ему доверили и поручили выступление от имени китайцев, находившихся в СССР, на торжественном собрании в Москве по случаю возвращения на родину А. М. Горького.

В 1928 году в Большом театре Чэнь Шаоюй выступал в качестве представителя КУТК при встрече с Горьким по случаю его возвращения на родину. После выступления его посадили в президиуме рядом со Сталиным.

После окончания мероприятия Сталин пригласил Чэнь Шаоюя вместе с ним пешком пройти от Большого театра до Кремля.

По дороге Сталин, отметив, что Чэнь Шаоюй неплохо говорит по-русски, поинтересовался, где он учил русский язык. Узнав, что в КУТК, спросил, почему он его не видел, когда приезжал туда.

Чэнь Шаоюй сказал, что в это время был в Китае.

Затем Сталин спросил, известно ли Чэнь Шаоюю о подготовке шестого съезда КПК.

Чэнь Шаоюй ответил, что ему это известно, и что он участвует в этой подготовке с начала 1928 года.

Далее Сталин поинтересовался, знаком ли Чэнь Шаоюй со Страховым (то есть с Цюй Цюбо).

Чэнь Шаоюй сказал, что они вместе работали в Ухане.

Сталин также осведомился: как вы оцениваете Чэнь Дусю как человека.

Чэнь Шаоюй ответил: Если говорить о нем просто как о человеке, то он, наверное, человек неплохой. Живет очень скромно, говорит откровенно. Но как руководитель коммунистической партии он не годится.

Почему? – спросил Сталин.

Он слишком мало разбирается в марксизме-ленинизме, – пояснил Чэнь Шаоюй, – политически слаб. Его взгляды по основным вопросам китайской революции все ошибочные, а стиль у него домостроевский; не прислушивается к мнениям других...

Правильно; другие рассказывали мне о нем примерно так же, как и вы, – сказал Сталин. (С. 99.)

Сталин также спросил, хотел бы Чэнь Шаоюй пойти учиться к Покровскому в Институт красной профессуры.

Чэнь Шаоюй, узнав, что тогда учиться придется пять лет, сказал, что после года-двух учебы он хотел бы вернуться на практическую работу.

Сталин пошел к себе, а Чэнь Шаоюй отправился в КУТК. (С. 100.)

Можно предположить, что Сталину предварительно «доложили» о взглядах, настроениях и практической деятельности Чэнь Шаоюя. Возможно также, что Сталин лично принял решение обратить внимание на Чэнь Шаоюя. Сталин, вероятно, искал среди китайских коммунистов, учившихся в СССР, людей, с которыми можно было найти подлинное взаимопонимание. Таким человеком. Сталину показался Чэнь Шаоюй.

Главное, что определило отношение Сталина к Чэнь Шаоюю, была оценка Чэнь Шаоюем Чэнь Дусю. Оказалось, что Чэнь Шаоюй практически стоит на тех же позициях, что и Сталин в вопросах теории. Кроме того, из высказываний Чэнь Шаоюя следовало, что он выступал против стиля взаимоотношений Чэнь Дусю с членами руководства КПК, то, что Чэнь Дусю не прислушивался к мнению других. Можно предположить, что результатом первого личного общения Сталина с Чэнь Шаоюем и явилось решение продвигать Чэнь Шаоюя в руководство ЦК КПК.

Своего рода первым шагом в этом направлении и явилось участие Чэнь Шаоюя в подготовке шестого съезда КПК, который состоялся в Москве в июне-июле 1928 года.

После разговора со Сталиным Чэнь Шаоюй вернулся в КУТК.

Там (то есть в КУТК) Миф сказал ему (Чэнь Шаоюю), что Цюй Цюбо уже приехал и хотел бы обсудить с Чэнь Шаоюем работу по подготовке к шестому съезду партии.

Через несколько дней Чэнь Шаоюй пришел на Пятницкую улицу в дом № 25. Туда уже прибыли Цюй Цюбо, Чжоу Эньлай. Ли Лисань, а также Дэн Инчао и Ян Чжихуа. (С. 100–101.)

Коминтерн и КПК решили провести в Москве шестой съезд КПК. Чэнь Шаоюю было поручено участвовать в составлении резолюции по пропагандистской работе. Большинство проектов документов было переведено на китайский язык Чэнь Шаоюем.

В мае или июне 1928 года, за несколько дней до открытия шестого съезда КПК, на Пятницкую в дом № 25 приехал Сталин. Беседа с членами руководства съездом началась в 8 часов вечера и закончилась в 8 часов утра следующего дня. Сталин разъяснял свое видение характера, этапов, ситуации в ходе революции в Китае. Отвечал на вопросы. Сталин в конце беседы спросил, согласны ли с ним присутствовавшие и есть ли еще вопросы. Все были согласны, и вопросов больше не было.

Все это переводил Чэнь Шаоюй. Сталин сказал: Голубев, такому переводчику, как вы, надо дать орден Ленина... Перевод далеко не техническая работа. (С. 111.)

Фактически вторая встреча Чэнь Шаоюя со Сталиным оказалась чрезвычайно важной для судьбы Чэнь Шаоюя.

Фактически перед шестым съездом КПК на совещании руководства партии Сталин выступил со своим мнением и ответил на возникшие вопросы. При этом присутствовал и все переводил Чэнь Шаоюй. Сталин тогда сказал, что Чэнь Шаоюя за его работу следовало бы наградить орденом Ленина, и подчеркнул, что то, чем занимался Чэнь Шаоюй – это далеко не техническая работа.

Было очевидно, что Сталин в то время доверял Чэнь Шаоюю; во всяком случае, в той степени, которая обеспечивала Чэнь Шаоюю прочные позиции при его работе внутри КПК, там, где дело касалось взаимоотношений с ЦК ВКП(б).

Сразу после окончания шестого съезда КПК, в августе 1928 года открылся Шестой Всемирный конгресс Коминтерна. Чэнь Шаоюй выполнял всю работу по переводу на китайский язык, связанную с президиумом конгресса; отвечал за организацию и редактирование всех

переводов на китайский язык. Кроме устного перевода, он участвовал в переводе Программы Коминтерна и других основных документов. (С. 113.) Существовали два проекта упомянутой программы. Один – Бухарина. Другой – Сталина.

Бухарин считал, что происходит длительная стабилизация капитализма, поэтому войны и революции могут происходить лишь в отдаленном будущем. (С. 113.)

Сталин полагал, что существуют такие страны, как Китай, Индия и т. д., то есть колониальные и полуколониальные страны со значительно развитым капитализмом и значительным по количеству пролетариатом. Они, пройдя этап антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции, могут перейти на путь некапиталистического, то есть социалистического развития.

Чэнь Шаоюй позднее говорил: «Теперь очевидно, что если в таких странах ... имеются компартии, и они у власти, то переход этот может совершаться быстрее». (С. 114.)

Итак, фактически, очевидно, по решению Сталина, Чэнь Шаоюй в 1928 году оказался неким «связующим звеном» между Сталиным и китайскими коммунистами, руководителями КПК, и между Сталиным и теми, кто был тогда в руководстве Коминтерна и имел отношение к выработке положений, определявших политический курс в отношении революции, в частности, в Китае.

Здесь Чэнь Шаоюй исходил мнения Сталина о том, что можно ориентироваться на переход в Китае на путь некапиталистического развития. Точка зрения Чэнь Шаоюя была его собственной. При этом она совпадала с точкой зрения Сталина.

В целом очевидно, что 1928 год явился временем, когда многое определилось и во взглядах Чэнь Шаоюя, и в его позиции по теоретическим, стратегическим и тактическим политическим вопросам и в его взаимоотношениях с руководителями ВКП(б), Коминтерна.

Здесь необходимо обратить внимание на то, что речь тогда шла о знакомстве, взаимном узнавании, поисках взаимопонимания, установления на этой основе взаимного доверия между русскими и китайцами, между людьми из нашей страны и людьми из Китая. Прежде всего, между представителями правящей партии тогда в СССР и Коммунистической партии Китая. Немалую роль играл при этом вопрос о языке общения. Ситуация сложилась таким образом, что, по преимуществу, тогда именно китайцам пришлось овладевать русским языком.

Владение китайцами, находившимися в Москве, русским языком давало возможность Сталину, советским руководителям, да и руководителям Коминтерна из других стран, напрямую общаться с представителями Китая, Коммунистической партии Китая, то есть обходиться без переводчика.

Чэнь Шаоюй обладал от природы такими способностями, что, прибыв в СССР фактически только к началу 1926 года, он уже в 1927 году смог быть переводчиком делегации ВКП(б) во время ее поездки в Китай. Затем переводчиком Сталина во время его беседы с лидерами КПК накануне открытия ее шестого съезда. А далее переводчиком речей и документов на очередном конгрессе Коминтерна.

Иными словами, у Сталина, других руководителей ВКП(б), Коминтерна, возникла возможность общаться с Чэнь Шаоюем без переводчика.

Он был сам себе переводчик.

Здесь имело место исключительное сочетание творческих способностей Чэнь Шаоюя, его, как теоретика, и владения им русским языком. Конечно, его судьба сложилась так, как она сложилась и благодаря тому, что он, исходя из собственных убеждений, стоял по многим принципиальным вопросам на тех же позициях, на которых стояли Сталин и руководители Коминтерна.

Принимая все это во внимание, можно лишний раз обратить внимание на ряд уже упомянутых деталей.

По возвращении из Китая во второй половине 1927 года, Чэнь Шаоюй практически возглавил в КУТК тех китайских коммунистов, которые разделяли точку зрения ВКП(б) и Коминтерна и выступали против политической линии Чэнь Дусю.

Чэнь Шаоюй показал себя при этом и организатором, и твердым политическим работником, пропагандистом определенных идей.

Далеко не случайно ему поручили выступить от имени фактически всех китайских коммунистов, находившихся в то время в Москве, на собрании по случаю возвращения в СССР Максима Горького.

Чэнь Шаоюй выступал там на русском языке.

На виду у всех присутствовавших после этого выступления Чэнь Шаоюя пригласили сесть в президиум рядом со Сталиным. Это было знаком признания Сталиным авторитета Чэнь Шаоюя.

После заседания Сталин предложил Чэнь Шаоюю пройти с ним пешком от Большого театра до Боровицких ворот Кремля по Москве.

Сталину было тогда 49 лет, Чэнь Шаоюю 24 года. Это была их первая личная встреча. Первая личная встреча руководителя ВКП(б) – СССР и будущего фактического руководителя КПК. В определенном смысле на нее можно смотреть как на встречу руководителей России и Китая. Это была «встреча один на один», без свидетелей и посредников.

Это была уникальная прогулка. Она позволила Сталину дополнить свое представление о Чэнь Шаоюе, составить себе личное мнение о нем. Эта же встреча дала Чэнь Шаоюю возможность лично ощутить, что такое «иметь дело со Сталиным».

Сталин, прежде всего, отметил, что Чэнь Шаоюй неплохо говорит по-русски. Это позволило Сталину беседовать с Чэнь Шаоюем без посторонней помощи.

Мало того, здесь вполне мог присутствовать намек на то, что Чэнь Шаоюй «владеет двумя языками: своим, китайским, и нашим, русским», то есть на то, что «у нас имеется общий язык».

Далее Сталин поинтересовался, почему он не видел Чэнь Шаоюя при посещении КУТК. Чэнь Шаоюй сказал, что он в это время был в Китае.

Тогда Сталин поинтересовался, знаком ли Чэнь Шаоюй со «Страховым» (то есть с Цюй Цюбо). Чэнь Шаоюй сказал, что им уже приходилось вместе работать в Китае.

Сталин подчеркнул, что в Москве готовится съезд КПК. Чэнь Шаоюй подтвердил, что он уже участвует в его подготовке.

Чэнь Шаоюй также дал понять, что не хотел бы становиться только «ученым», который будет пять лет учиться в Москве, а потом заниматься сугубо научными проблемами. Чэнь Шаоюй проявил нацеленность на практическую работу в Китае.

Вероятно, что Сталин в результате обдумывания этого разговора пришел к выводу, что на Чэнь Шаоюя в определенном смысле можно полагаться. Очевидно также, что именно по этой причине Чэнь Шаоюю было доверено переводить беседу Сталина с руководителями КПК, участвовавшими в подготовке шестого съезда партии.

А далее Чэнь Шаоюй переводил документы и выступил в качестве главного переводчика на конгрессе Коминтерна во всех случаях, когда это касалось Китая.

Так Чэнь Шаоюй, благодаря своим способностям и в политической области, и в теории, и в русском языке, именно в этом году выдвинулся на место человека, который оказался способен не только вести работу в среде китайских коммунистов, но и находить общий язык со Сталиным, с руководителями ВКП(б) и Коминтерна. Чэнь Шаоюй оказался среди потенциальных кандидатов на роли руководителей КПК как во мнении значительной части китайских коммунистов, находившихся в Москве, так и с точки зрения Сталина и руководителей Коминтерна.

5. В Китае: 1929 –1931 гг.

В начале февраля 1929 года Миф и Цюй Цюбо предложили Чэнь Шаоюю вернуться на работу в Китай.

В то время возник вопрос о кулачестве. Чэнь Шаоюй считал, что неверно ликвидировать кулачество на этапе буржуазно-демократической революции. В 1934 году Чэнь Шаоюй написал работу «Экономическая политика Советской власти в Китае», в которой изложил свою позицию. Попутно необходимо упомянуть, что в 1932 году Чэнь Шаоюй принял псевдоним «Ван Мин».

Мао Цзэдун в вопросе о кулачестве занимал иную позицию.

Очевидно, что руководство КПК и Коминтерна согласовали и приняли решение о направлении Чэнь Шаоюя на работу в Китай. Чэнь Шаоюю об этом стало известно в начале 1929 года. Тогда ему предложили поехать в Китай Цюй Цюбо от имени руководства КПК, и Миф от имени Коминтерна. Так проявилась ситуация того времени, когда китайская сторона, естественно, была китайской стороной, и принимала решения самостоятельно, и в то же время существовала тесная связь между КПК и Коминтерном, что обе стороны считали естественным состоянием отношений.

В это время внутри КПК обсуждался вопрос об отношении в Китае к кулачеству, то есть к «богатым крестьянам».

Позиция Чэнь Шаоюя состояла при этом в том, что он продолжал исходить из деления периода революции на этапы. С его точки зрения этап буржуазно-демократической революции должен был смениться этапом социалистической революции. Однако это никоим образом не означало, что на этапе буржуазно-демократической революции следовало торопиться с переходом на следующий этап. На этапе буржуазно-демократической революции Чэнь Шаоюй считал неверной ликвидацию кулачества. Это было частью представлений Чэнь Шаоюя об экономической политике в то время в тех районах Китая, где тогда создавались органы власти, именовавшиеся «советскими».

Иначе говоря, Чэнь Шаоюй занимал разумную позицию соответствовавшую ситуации того времени в Китае.

Мао Цзэдун придерживался другой позиции. С его точки зрения кулаков следовало уже тогда ликвидировать. Такое важное противоречие между взглядами Чэнь Шаоюя и Мао Цзэдуна возникло уже в то время.

Чэнь Шаоюй выехал из Москвы в феврале 1929 года.

В Китае Ли Лисань при встрече с Чэнь Шаоюем сказал: вы хоть и учились в Москве, но не имеете опыта практической работы, должны пойти на самую низовую, самую трудную и тяжелую работу. (С. 122.)

С 12 ноября 1929 года до 1 января 1930 года Чэнь Шаоюй, переведенный на работу в отдел пропаганды ЦК КПК, редактировал трехдневник «Хунци». Фактически он написал в это время все статьи в этом издании.

1 января 1930 года Чэнь Шаоюй был арестован и заключен в тюрьму.

18 февраля 1930 года Чэнь Шаоюй вышел из тюрьмы.

В то время у Чэнь Шаоюя были хорошие отношения с Чэнь Гэном – ответственным сотрудником особого отдела ЦК.

Чэнь Гэн родился в 1903 году. В 1922 году вступил в партию. Умер 16 марта 1961 года, будучи к тому времени членом ЦК КПК, заместителем министра обороны КНР и заместителем

начальника генштаба НОАК, генералом армии. На смерть Чэнь Гэна Чэнь Шаоюй написал стихи, в которых называл Чэнь Гэна своим другом (С. 129–130.)

К описанию деятельности Чэнь Шаоюя в это время в Китае необходимо сделать пояснения.

Это был тяжелый период работы КПК в Китае. Руководство партии находилось в подполье в Шанхае. Партия также действовала в ряде сельских районов, в так называемых «опорных базах» или «советских районах (соврайонах)».

Гоминьдановские власти преследовали коммунистов. Людей арестовывали. Немало людей, попадавших в тюрьмы, не выдерживали пыток и становились предателями. Одновременно в руководстве КПК шла борьба между сторонниками разных взглядов и за власть.

Коминтерн и ВКП(б) стремились оказывать влияние на деятельность руководящих органов КПК. Что-то им сделать удавалось. В то же время главной оставалась борьба между самими китайцами внутри руководства партии.

Мы уже упоминали о том, что тогда, когда Чэнь Шаоюй приехал в 1929 году в Китай, тогдашний руководитель ЦК партии Ли Лисань сказал ему: хотя вы и учились в Москве, но опыта практической работы у вас нет; вы пойдете на самую низовую и самую трудную работу.

Это, в частности, было лишним свидетельством того, что руководство КПК, с самого начала, с 1921 года, то есть и Чэнь Дусю и Ли Лисань, всегда подчеркивало независимость и самостоятельность КПК. Поэтому они с подозрительностью относились к тем китайским коммунистам, которые побывали в СССР, учились в Москве. Никогда не существовало такого положения, что кого-то могли «посадить» «управлять» делами КПК по указке из Москвы. Здесь, в этой сфере, то есть по вопросам, связанным с формированием руководства партии, велась борьба.

Собственно говоря, само направление Чэнь Шаоюя, как и целого ряда других людей, в Китай, было и частью процесса борьбы за общее дело коммунистических партий, и частью такой борьбы.

Чэнь Шаоюй не был «марионеткой» в руках «Москвы». В то же время и «Москва» и Чэнь Шаоюй понимали, что их связывало совпадение коренных интересов двух наших народов и стран, а, следовательно, и «Москве» и КПК были необходимы взаимопонимание, сотрудничество в борьбе против тех, кого и там и там считали общими врагами.

Ли Лисань, естественно, знал, что Чэнь Шаоюй приехал по направлению из Москвы, по направлению Цюй Цюбо и Коминтерна (Мифа). Поэтому он и сказал, что Чэнь Шаоюю придется начать с низовой работы.

Чэнь Шаоюй начал работать в отделе пропаганды ЦК КПК. Практически ему пришлось писать материалы для печатного органа партии. У Чэнь Шаоюя был такой талант, и он писал все статьи для этого издания тогда, когда там работал.

Итак, сначала, по прибытии в Шанхай, Чэнь Шаоюй оказался лицом к лицу с ситуацией внутри руководства КПК и с тем, как генеральный секретарь ЦК КПК относился к СССР и к тем, кто приезжал в Шанхай из Москвы. Оказалось, что он для Ли Лисаня и иже с ним является, возможно, пока «чужаком».

Чэнь Шаоюй начал работать там, куда его направили, то есть в органе печатной пропаганды ЦК партии, как ему и было предписано ЦК КПК.

Затем с ним произошло то, что происходило с очень многими коммунистами. Он попал в тюрьму, где провел почти два месяца.

С 1 января по 18 февраля 1930 года Чэнь Шаоюй находился в тюрьме. Он попал туда, в сущности, как рядовой функционер КПК, которого арестовали при одной из массовых облав на коммунистов. Через некоторое время его выпустили из гоминьдановской тюрьмы.

Этот эпизод впоследствии Мао Цзэдун и прочие пытались использовать для обоснования своих подозрений в отношении Чэнь Шаоюя, для обвинений его в том, что он якобы стал «агентом Гоминьдана».

Попутно необходимо также сказать, что именно в те годы, или, начиная с того времени, у Чэнь Шаоюя в Китае появились добрые отношения с целым рядом коммунистов.

Это вообще свидетельствовало о том, что Чэнь Шаоюй по своей природе был человеком, который располагал людей к себе. Он был таким с детства и вплоть до поездки в Советский Союз. Он не перестал быть таким и в СССР. Он продолжал быть таким, то есть человеком с «харизмой», и тогда, когда вернулся в Китай в 1929 году.

Одним из его друзей стал тогда Чэнь Гэн.

Чэнь Гэн был своего рода легендарной фигурой. Этот человек много сделал для КПК, как один из организаторов спецслужб КПК. Затем он проявил себя как талантливый военачальник. Ему было присвоено звание генерала армии. Он находился в составе китайской военной делегации в момент заключения соглашения между СССР и КНР относительно «новой оборонной техники», то есть передачи КНР секретов производства атомной бомбы. В КНР его также считали главным организатором победы вьетнамских коммунистов над французами при Бьендьенфу.

Вот с ним-то у Чэнь Шаоюя и возникли добрые отношения еще в начале 1930-х гг. в Шанхае.

Ли Лисань считал Чэнь Шаоюя опасным для себя человеком. Он полагал, что Чэнь Шаоюй может в том или ином районе Китая овладеть вооруженными силами и выступить против ЦК. (С. 131.)

Ли Лисань считал своими врагами Чэнь Шаоюя, Цинь Бансяня, Ван Цзясяна. Сян Чжунфа выступал на стороне Ли Лисаня.

Чжоу Энълай выступал на стороне Ли Лисаня, солидаризировался с ним в намерении «не давать работу» Чэнь Шаоюю и Бо Гу (Цинь Бансяню) в 1930 году. Чжоу Энълай осуждал их за «мелкобуржуазность» и «неподчинение распоряжению партии». (С. 136.)

Чэнь Шаоюй и Цинь Бансянь тогда, в 1930 году, находясь в Шанхае, «ни на час не прекращали руководить борьбой как против врагов, так и против линии Ли Лисаня». (С. 137.)

Очень не просто складывались в это время отношения Чэнь Шаоюя с другими руководителями партии.

Вообще, нужно сказать, что все эти руководители были относительно молоды. Они были по большей части амбициозны. Круг их был узким. Фактически сталкивались между собой всего несколько человек.

И здесь играли свою роль и личные качества Чэнь Шаоюя и, конечно же, тот «капитал», который он, благодаря своим способностям, «прибрел», находясь в Москве, да и во время краткого пребывания в Ухане в 1927 году.

По сути дела тогда в руководстве КПК создались, как бы сами собой, «два лагеря». Руководство оказалось расколотым.

С одной стороны оказались Ли Лисань и поддерживавшие его Сян Чжунфа и Чжоу Энълай. С другой стороны, это были Чэнь Шаоюй, Цинь Бансянь, Ван Цзясян. Формально, Сян Чжунфа и Ли Лисань являлись главными руководителями.

Чжоу Энълаю на протяжении всей его жизни и политической деятельности было присуще одно качество. Он инстинктивно предпочитал не занимать место первого по рангу или официального руководителя. В тоже время он всегда стремился приспособливаться именно к тому, кто в его представлении был таким первым руководителем. Чжоу Энълай также, на всякий случай, сохранял возможности общения с другими лидерами. Наконец, Чжоу Энълай

умело «перескакивал» от одного руководителя к другому руководителю, когда один из них сменял другого на посту лидера или вождя партии. Недаром в Коммунистической партии Китая у Чжоу Эньлая было прозвище «*бу дао ван* – неваляшка, ванька-встанька».

Что же касается Чэнь Шаоюя, то и в данной ситуации он стремился быть самостоятельным и не подлаживался ни к, сначала, Чэнь Дусю, ни, затем, к Ли Лисаню. Могло складываться поверхностное представление о том, что Чэнь Шаоюй и Цюй Цюбо всего лишь выполняли приказы Коминтерна. На самом деле, в СССР, в ВКП(б), в Коминтерне с самого начала многие понимали, что с Китаем, китайскими лидерами, китайскими коммунистами необходимо считаться, уважать их самостоятельность. Поэтому отношения Чэнь Шаоюя и других, настроенных так же, как он, членов КПК, с руководителями ВКП(б), СССР, Коминтерна были отношениями людей, которые находили общее понимание, на чем и строилось их взаимное доверие.

Здесь необходимо сказать несколько слов о семье Чэнь Шаоюя, прежде всего, о его жене Мэн Циншу. Она была моложе Чэнь Шаоюя на 7 лет и родилась в 1911 году.

Мэн Циншу познакомилась с Чэнь Шаоюем в 1927 году. Ее заключили в тюрьму 30 июля 1930 года. 22 ноября она вышла из тюрьмы, а 23 ноября Чэнь Шаоюй и Мэн Циншу поженились. (С. 138.)

Эти люди, как говорится, нашли друг друга и вместе прожили всю жизнь. У них было трое детей: дочь и два сына. Семья была дружной. Политические взгляды членов семьи совпадали. Они взаимно поддерживали друг друга.

С 1941 года по 1974 год, то есть на протяжении 33 лет, Мэн Циншу, которая была временно активным членом партии и одним из руководителей китайских женщин – членов КПК, взяла на себя тяжелую ношу сохранять жизнь и здоровье Чэнь Шаоюя, который был отравлен, очевидно, с ведома Мао Цзэдуна.

Мэн Циншу была всегда рядом с Чэнь Шаоюем, помогала ему и в жизни и в работе. После его смерти Мэн Циншу сумела создать жизнеописание Чэнь Шаоюя, дать оценку его политической деятельности.

Эту книгу ей помог перевести на русский язык и снабдил своими примечаниями и соображениями их старший сын Ван Даньчжи.

В целом Чэнь Шаоюй, его жена и старший сын оказались людьми, которые внесли существенный вклад в дело борьбы против политики и взглядов Мао Цзэдуна, то есть действовали в интересах народа Китая. Их труд, в том числе книга о Чэнь Шаоюе, это важный вклад в интересах китайского народа и в дело дружбы народов России и Китая.

В 1930 году в Шанхай прибыл представитель Коминтерна Миф.

После этого Чжоу Эньлай переменил тон.

25 ноября 1930 года по предложению Чжоу Эньлая Чэнь Шаоюй был избран секретарем комитета КПК провинции Цзянсу. После четвертого пленума ЦК КПК шестого созыва Бо Гу был выдвинут на пост генерального секретаря ЦК Комсомола. На четвертом пленуме ЦК Чэнь Шаоюй и Шэнь Цзэминь (брат Шэнь Яньбина – Мао Дуя) были кооптированы в члены ЦК. Чэнь Шаоюй был также избран членом Политбюро ЦК КПК. (С. 138.) В обстановке того времени, то есть в 1930 году, Чэнь Шаоюй полагал, что сейчас нет возможности для какого-то восстания; борьба за легальность (на чем настаивал Ли Лисань) тоже должна проходить в соответствующих условиях. (С. 141.)

Четвертый пленум ЦК КПК шестого созыва проводился с 6 часов вечера седьмого января до семи часов утра восьмого января 1931 года. Сян Чжунфа выступил с докладом, в котором признавались ошибки «лилисаневщины», критиковались ошибки третьего пленума ЦК КПК. (С. 154.)

Чэнь Шаоюй был главным оратором на четвертом пленуме ЦК. Он поддерживал линию Коминтерна, осуждал линию Ли Лисаня. В результате по решению пленума Ли Лисань был

освобожден от обязанностей члена Политбюро ЦК. После пленума был создан Постоянный Комитет ЦК В составе Сян Чжунфа, Чжоу Эньлая и Чэнь Шаоюя. (С. 155.)

КПК после политического переворота, осуществленного Чан Кайши в 1927 году, после начала им бескомпромиссной борьбы против КПК, на протяжении ряда лет переживала большие трудности.

И сами руководители КПК и сочувствовавшие и помогавшие им руководители СССР – ВКП(б) – Коминтерна искали выход из кризиса. Выдвигались разные предложения. На протяжении некоторого времени возобладали взгляды Ли Лисаня. Затем, по мнению других руководителей КПК и Коминтерна, стало необходимым изменение «линии Ли Лисаня». Замена его на посту руководителя. В этой ситуации и с этой целью в Китай приехал представитель Коминтерна Миф.

Чжоу Эньлай уловил перемены в настроениях и, очевидно, как и многие другие, считал, что «линия Ли Лисаня» оказалась не верной.

В руководстве партии Ли Лисань оказался в изоляции. Против него выступили и Сян Чжунфа и Чжоу Эньлай.

На пленуме ЦК партии главную роль сыграл Чэнь Шаоюй, который выступал с докладом и подверг критике «линию Ли Лисаня».

Таким образом, в каком-то смысле, естественным путем сформировалось новое руководство партии. В 1931 году его составили Сян Чжунфа (в качестве генерального секретаря ЦК КПК), Чжоу Эньлай и Чэнь Шаоюй. Так Чэнь Шаоюй вошел в состав высшего руководящего органа Коммунистической партии Китая.

До своего ареста и измены Сян Чжунфа оставался номинально генсеком; но, поскольку политический и культурный уровень у него был очень низок, Чэнь Шаоюй был фактически главным руководителем. (С. 155.)

Этот факт был вынужден признавать и Мао Цзэдун на втором пленуме ЦК КПК седьмого созыва в марте 1949 года, когда он говорил:

«И Бо Гу и Ло Фу были лишь номинальными генсеками. От антилисаневского четвертого пленума до начала «Компании по упорядочению стиля» главкомом партии был Ван Мин ... Я именно решил взять (Ваше политическое положение) и заменить собой».

Это высказывание Мао Цзедуна имело двоякий смысл. С одной стороны он не мог не признать за Ван Мином высокий авторитет во всей партии. С другой же стороны, он хотел превратить некоторые тактические ошибки периода Временного Политбюро ЦК В Шанхае и пятого пленума ЦК КПК шестого созыва в «ошибки политической линии» и, добавив туда еще собственные фальсификации, приписать все эти «ошибки» Ван Мину. (С. 156.)

В 1931 году Мао Цзэдун расширял масштабы кампании «борьбы против контрреволюции»; была создана атмосфера всеобщего страха. Весной 1931 года Чэнь Шаоюй от имени ЦК партии написал письмо по поводу исправления ошибок в борьбе против контрреволюции. В этом документе он критиковал порочную практику расширения кампании борьбы против контрреволюции. (С. 156.)

В истории КПК, очевидно, являясь выражением сложности политической обстановки в стране и в самой партии, начиная с момента создания КПК в 1921 году и вплоть до 1943 года, когда Мао Цзэдун официально пришел к руководству партией, был период острой борьбы, требовавшей реакции на ситуацию в стране и в партии, пересмотра «политических линий» сменявших один другого руководителей.

Поэтому смена Чэнь Дусю Чжан Готао, затем Цюй Цюбо, далее появление Ли Лисаня, затем Сян Чжунфа – все это было необходимыми действиями, вынужденными обстановкой в

стране и в самой партии. У каждого из них были свои достоинства и недостатки. Исключение составил Сян Чжунфа, который был арестован и стал предателем.

Затем с 1931 года по 1943 год генеральными секретарями номинально были Бо Гу (Цинь Бансянь) и Ло Фу (Чжан Вэньтянь). Однако именно в этом десятилетии в партии фактически главную или ведущую роль, роль того, кто, обладая определенными качествами, определял политику партии, играл Чэнь Шаоюй. Десятилетие в истории КПК, 1930-е гг., по сути дела, и были «десятилетием Чэнь Шаоюя (Ван Мина)».

Именно ему пришлось тогда вести борьбу против взглядов и политики Мао Цзэдуна, который сосредоточился, прежде всего, на интригах, заговорах и жестокой закулисной и явной борьбе против всех, в ком он видел своих политических противников, внутри партии. Мао Цзэдун оказался интриганом, сумевшим именно в результате их осуществления, захватить власть над КПК.

Ситуация в те годы неоднократно менялась и оставалась сложной. На конкретных ее проявлениях мы еще будем останавливаться.

Пока же важно отметить, что после периода шараханий и явных ошибок приход Чэнь Шаоюя к руководству, к фактическому руководству, помог партии постепенно справиться с ошибками ряда прошлых руководителей. Здесь сыграли свою роль и личные качества Чэнь Шаоюя, а также его выдающиеся способности теоретика и идеолога. Важно было и то, что Чэнь Шаоюй всегда исходил из совпадения коренных интересов наших двух стран и народов.

Чэнь Шаоюй уже в начале 1930-х гг. пришлось вести борьбу против не верной политики Мао Цзэдуна. В данном случае речь шла о том, что именовалось в КПК «контрреволюцией». Мао Цзэдун был за ее безжалостное и беспощадное уничтожение. Чэнь Шаоюй выступал за осторожный подход к применению таких методов, как ликвидация контрреволюционеров, считая, что сначала еще нужно разобраться в том, имеем ли мы дело с контрреволюционерами и каковы возможности решения вопросов иными средствами, чем их ликвидация. В этом было одно из важных расхождений между стилями работы Чэнь Шаоюя и Мао Цзэдуна.

За день до открытия четвертого пленума ЦК Постоянный Комитет Политбюро ЦК и Дальбюро ИККИ провели совместное заседание, обсудили вопросы, которые выносились на обсуждение пленума. В заседании участвовали Чжоу Эньлай, Сян Чжунфа, Цюй Цюбо.

Неожиданно на этом заседании было решено вывести из членов Политбюро не только Ли Лисаня, но и Цюй Цюбо. Будучи недоволен этим, Цюй Цюбо не участвовал в работе пленума.

Чэнь Шаоюй исходил из того, что Цюй Цюбо признался в ошибках и выразил готовность лично раскритиковать их на пленуме. Поэтому Чэнь Шаоюй не одобрял исключения Цюй Цюбо из Политбюро. (С. 158.)

Чэнь Шаоюй неизменно доброжелательно относился не только к Цюй Цюбо, но и к Ли Лисаню, помогал ему, например, в углубленном изучении марксистско-ленинской теории, в исправлении допущенных ошибок, привлекал его к работе делегации КПК в Коминтерне, советовался с ним по разным поводам; никогда не относился к нему с позиций злопамятства или дискриминации. (С. 160.)

Возможно, предложение о выведении из состава Политбюро и Ли Лисаня и Цюй Цюбо было внесено представителями ИККИ. Важно обратить внимание на то, что это явилось неожиданностью для Чэнь Шаоюя. Следовательно, он не был до этого поставлен в известность о принятом в Москве решении.

В этом случае проявилось принципиальное отношение к такого рода вопросам со стороны Чэнь Шаоюя. Он считал, что тогда, когда у человека были ошибки, и когда сам человек это признавал, человека можно и нужно было оставить в составе руководства и не наказывать безжалостно за ошибки.

В апреле 1931 года был арестован Гу Шуньчжан, кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, фактический руководитель службы безопасности партии. Гу Шуньчжан выдал все, что знал. (С. 160–161.)

Постоянный Комитет Политбюро решил немедленно реорганизовать Особый отдел ЦК, усилить его руководство. Ранее вся разведывательная оперативная работа и другая работа в Особом отделе находилась в руках Гу Шуньчжана, поэтому он один знал множество органов и пунктов связи, а жизнь и работу самого Гу Шуньчжана никто не контролировал и не проверял.

Теперь было решено для коллективного руководства Особым отделом создать тройку, которая должна распределить между собой обязанности и находиться под непосредственным руководством и контролем Постоянного Комитета Политбюро. Учреждались посты начальника Особого отдела и его заместителя.

Чжоу Эньлай предложил на должность начальника Особого отдела тогдашнего заместителя заведующего Орготделом ЦК Чжао Жуна (его настоящее имя Чжан Шаоао; только после приезда в Москву в 1933 году его стали звать Кан Шэном; собственно говоря, это была транскрипция данного ему в СССР имени: «Каншин»). Чэнь Шаоюй предложил назначить начальником Особого отдела Чэнь Юня (Ляо Чэньюня) – в то время заведующего орготделом Цзян-сусского провинциального комитета КПК, в пользу которого приводились следующие доводы: Чэнь Юнь – член ЦК, а Чжао Жун только член ЦКК; Чэнь Юнь знает обстановку в Шанхае лучше, чем Чжао Жун. В результате Сян Чжунфа и Чжоу Эньлай согласились, чтобы Чэнь Юнь стал начальником, а Чжао Жун (Кан Шэн) – заместителем начальника Особого отдела. (С. 162.) Одновременно в руководство Особым отделом вошел Пань Ханьнянь – ответственный за связь и разведку.

Партией тогда руководила тройка: Сян Чжунфа, Чжоу Эньлай, Чэнь Шаоюй. Чан Кайши объявил награду в сто, а затем в сто пятьдесят тысяч юаней за поимку Сян Чжунфа, Чжоу Эньлая, Чэнь Шаоюя.

За текущую работу ЦК тогда должны были отвечать Бо Гу, Чэнь Юнь, Ло Фу, Чжао Жун. В случае возникновения важных вопросов, их следовало передавать на совместное рассмотрение тройки Постоянного Комитета. (С. 167.)

В конце мая – начале июня 1931 года был арестован Сян Чжунфа. Сян Чжунфа просил Гомиьндан «пощадить» его; он сказал, что сам является подставным генсеком, а фактическая власть находится в руках Чжоу Эньлая и Чэнь Шаоюя. (С. 172.) По приказу Чан Кайши Сян Чжунфа был расстрелян в июне 1931 года.

История, факты говорят о том, что Чэнь Шаоюю пришлось участвовать в руководстве партией. Принимать важные решения даже в качестве ее фактически главного руководителя, причем именно в обстановке, когда Чан Кайши, Гомиьндану, его специальным службам удавалось значительно ограничить деятельность КПК, арестовать даже членов высшего руководства партии. Были арестованы Гу Шуньчжан и Сян Чжунфа. Оба выдали партийные секреты врагу. Фактическими руководителями остались Чэнь Шаоюй и Чжоу Эньлай.

Попутно важно заметить, что уже тогда, в 1931 году, начала создаваться своего рода «связка» в руководстве партии между Чжоу Эньлаем и Кан Шэном. Эта-то «связка» и пошла через некоторое время на службу к Мао Цзэду и оставалась с ним до самой смерти каждого из этой троицы. Чжоу Эньлай стал «одной рукой» Мао Цзэдуна, «рукой в бархатной перчатке». Кан Шэн стал «другой рукой» Мао Цзэдуна, «рукой в железной перчатке».

В противовес этому тогда же сблизилась Чэнь Шаоюй и Чэнь Юнь. Оба оставались самостоятельными фигурами, особенно Чэнь Шаоюй тогда, когда речь шла о Мао Цзэдуне.

Так тогда завязывались отношения между всеми упомянутыми руководителями ЦК КПК. Так создавались основы будущего распределения рычагов власти, так формировалась структура руководства партией.

6. В СССР: 1931–1937 гг.

В результате этих событий ситуация для двух оставшихся в живых главных руководителей ЦК КПК, Чжоу Эньлая и Чэнь Шаоюя, стала настолько серьезной, что ИККИ принял решение перевести их обоих на время в Москву с тем, чтобы они через полгода вернулись в Шанхай.

Принимая во внимание их предстоявшее временное отсутствие в Китае, Дальбюро Коминтерна решило создать Временное Политбюро ЦК КПК. Коминтерн одобрил это решение.

В состав Временного Политбюро вошли пять человек: Бо Гу (Цинь Бансянь), Чэнь Юнь, Ло Фу (Чжан Вэньтянь), Кан Шэн, а также Лу Футань (работал в Генсовете профсоюзов Китая).

18 сентября 1931 года японцы начали оккупацию Маньчжурии. Правительство Чан Кайши решило не оказывать вооруженного сопротивления японцам.

Чэнь Шаоюй предложил Бо Гу выпустить обращение КПК ко всем соотечественникам в связи с этими событиями.

Чэнь Шаоюй включил в упомянутый документ протест против захвата Шэньяня японскими войсками; протест против политики непротivления нанкинских властей; изложение политики КПК, которая выступает за ведение национально-революционной войны вооруженного народа против японского империализма в защиту суверенитета и территориальной целостности китайского государства. (С. 177.) Об антияпонском движении в стране после событий 18 сентября 1931 года Чэнь Шаоюй позже написал статью «Антиимпериалистическое движение в Китае», которую он впервые подписал своим новым псевдонимом: «Ван Мин». (С. 178.)

В 1931 году в результате действий специальных органов Гоминьдана было почти полностью уничтожено руководство ЦК КПК.

Поэтому Коминтерн принял решение о спасении, то есть об эвакуации из Китая, хотя бы на время, двух оставшихся в живых руководителей партии: Чэнь Шаоюя и Чжоу Эньлая.

Их отъезд удалось организовать и осуществить не сразу.

Прежде всего, их заменили новым руководящим органом, Временным Политбюро ЦК КПК в составе: Бо Гу, Ло Фу, Чэнь Юнь, Кан Шэн и Лу Футань.

В сентябре 1931 года Япония начала оккупацию Северо-Восточного Китая, а Чан Кайши принял решение осуществлять политику не оказания сопротивления Японии.

В новой ситуации, то есть в ситуации, когда возникла опасность гибели всей нации Китая, Чэнь Шаоюй пришел к мысли о необходимости для КПК занять четкую позицию, сутью которой было осуждение политики Чан Кайши и призыв к нации оказывать вооруженное сопротивление японским оккупантам, вести войну против них.

Таким образом, именно Чэнь Шаоюю принадлежала идея создания всекитайского единого национального фронта сопротивления японским оккупантам. Это – одно из главных достижений Чэнь Шаоюя, как руководителя не только КПК, но и нации Китая.

Свою работу на эту тему Чэнь Шаоюй выпустил в 1932 году. Тогда-то он и взял себе псевдоним, под которым вошел в историю Китая: «Ван Мин».

В связи с необходимостью реагировать на события 18 сентября 1931 года Чэнь Шаоюй и Чжоу Эньлай задержались в Шанхае.

Через месяц ИККИ прислал телеграмму с требованием прибыть в Москву для участия в работе пленума Исполкома Коминтерна, сказав, что отказ от приезда на этот раз будет расценен

как неподчинение решению вышестоящей организации и повлечет за собой дисциплинарное взыскание. (С. 178.)

18 октября Чэнь Шаоюй с сопровождающими отправился в Москву.

Чжоу Энълай в качестве председателя Военной комиссии ЦК КПК решил отправиться в Центральный советский район. Взяв на себя руководство военными делами в Центральном советском районе, Чжоу Энълай больше не возвращался в Шанхай.

Перед тем, как Чэнь Шаоюй и Чжоу Энълай покинули Шанхай, там состоялось заседание Временного Политбюро ЦК КПК с их участием.

Лу Футань настаивал на том, что председательствовать на таких заседаниях должен всегда он. Чжоу Энълай и Чэнь Шаоюй разъяснили, что во время заседаний Временного Политбюро ЦК КПК обязанности председателя должны выполняться всеми по очереди. Чэнь Шаоюй пояснил, что это Политбюро создано по решению Дальбюро и утверждено ИККИ. Оно будет расформировано после того, как официально политбюро вернется в Шанхай. (С. 179.)

Ситуация в то время была настолько сложной и так быстро менявшейся, что приходилось принимать все новые решения.

Очевидно, что и в Москве, и в Китае, то есть и Коминтерн и КПК, понимали, что необходимо создавать на всякий случай, несколько центров руководства КПК.

Поэтому по решению руководства Коминтерна Чэнь Шаоюй был обязан выехать в Москву.

Чжоу Энълай остался в Китае.

Перед отъездом Чэнь Шаоюя в СССР на заседании Временного Политбюро ЦК КПК было решено, что это, действительно, будет временный орган, в котором не будет одного постоянного председателя, а его обязанности члены Политбюро будут выполнять по очереди.

Чжоу Энълай направился в Центральный советский район с тем, чтобы руководить там военными делами.

Чэнь Шаоюй отправился в Москву, чтобы КПК была представлена и там.

Чэнь Шаоюй ознакомился в Москве со стенограммой бесед, которые вели в 1930 году, перед отъездом из Москвы, Цюй Цюбо и Чжоу Энълай со Сталиным.

Сталин тогда считал, что не следует разворачивать Советское движение вблизи центров империалистического господства в Китае. Надо заниматься обучением войск и расширять ряды армии в местности, сравнительно отдаленной от таких центров. Сычуань – подходящее место для развертывания Советов и Красной Армии. Когда Советы и Красная Армия окрепнут, ЦК КПК следует перенести свою штаб-квартиру в Советский район. (С. 181.)

Чэнь Шаоюй выступил за перевод Временного Политбюро в Центральный советский район. Сталину доложили о таком предложении, и он с ним согласился. Была направлена телеграмма, в которой Кан Шэну разрешили приехать на лечение в Москву (его назначили по совместительству представителем КПК в Коминтерне), а остальным трем членам (Лу Футань к тому времени был арестован и «покаялся» перед гоминьдановцами) было предложено перебраться в Центральный советский район. Вместе с ними туда отправились Лю Шаоци, Ли Фучунь, Ян Шанкунь и Кай Фэн. (С. 182.)

Итак, когда Чэнь Шаоюй приехал в Москву, он познакомился с мнением Сталина о том, как в создавшейся обстановке должна действовать КПК.

Оказалось, что еще в 1930 году Сталин пришел к мысли о том, что работа КПК внутри страны должна быть перенесена из больших городов в удаленные от них сельские районы, то есть туда, куда Гоминьдану было трудно дотянуться.

Сталин считал, что наступил этап, когда КПК должна осуществлять в Китае то, что тогда именовалось «советским движением», таким образом, чтобы в ряде районов страны, во вся-

ком случае, в Сычуани, создавать «советские районы», то есть «опорные базы», где следовало создавать вооруженные силы КПК, и обучать войска.

Таким образом, мысль об упоре на вооруженную борьбу, на захват сначала удаленных от центров сельских районов, была выдвинута Сталиным.

Более того, из этого следовало, что именно Сталин в беседе с Цюй Цюбо и Чжоу Энляем в Москве в 1930 году исходил из нового понимания ситуации в Китае.

Эта ситуация оказалась следующей. Совершив переворот во взаимоотношениях с КПК в 1927 году, то есть, начав борьбу внутри страны на уничтожение коммунистов в Китае, Чан Кайши удалось добиться такого положения, что со второй половины 1920-х гг. по вторую половину 1940-х гг., то есть на протяжении двадцати лет, Гоминьдан, власти Китайской Республики, полностью господствовали в крупных, и не только в крупных, но и во всех значительных городах Китая.

Компартия потеряла возможность там действовать и добиваться успехов, то есть захватывать, эти города. У Компартии остался один резерв, одна возможность действовать. Это была возможность существовать и развиваться в сельских районах страны, прежде всего, в тех районах, которые были удалены от всех центральных городов страны и провинций.

Стало необходимым отказаться от попыток штурмовать города и сосредоточиться на работе в сельских районах. Это означало, что КПК фактически была отрезана от промышленных рабочих, от рабочего класса Китая, от населения городов. Работа КПК была там тогда возможна только в условиях глубокого подполья.

Нужно было работать, главным образом, среди крестьян. Нужно было создавать свои вооруженные силы из крестьян и в сельских районах Китая. Следовало ориентироваться на длительную борьбу именно в этих условиях. И это было единственным шансом сохранить КПК как политическую силу в стране.

Очевидно, что именно исходя из понимания всего этого, из сложившейся в Китае обстановки, Сталин и предлагал перейти к работе в сельских районах страны и к строительству Компартией своей Красной Армии. Власть, которая должна быть создаваться и существовать в этих сельских районах стали называть советской властью. В Центральном советском районе была создана Китайская Советская Республика, а сельские районы, находившиеся под властью КПК, стали именовать советскими районами или, сокращенно, соврайонами.

Чэнь Шаоюй повел себя в этой обстановке как решительный руководитель, который принимал главные решения стратегического порядка.

Уже находясь в Москве, Чэнь Шаоюй предложил перевести Временное Политбюро ЦК КПК из Шанхая в Центральный советский район. Это предложение было принято и осуществлено.

Находясь в Москве, Чэнь Шаоюй мыслил и действовал максимально активно.

С одной стороны, с 1931 года по 1937 год Чэнь Шаоюй работал в Коминтерне. Одновременно это была работа человека, который более всего был занят Китаем, выработкой и осуществлением в новых условиях политики КПК.

Новые условия Чэнь Шаоюй, пожалуй, ранее других членов руководства КПК, увидел в том, что с нападением японцев на Китай возникла возможность и необходимость для КПК занять место вождя войны против японских оккупантов, вождя вооруженной борьбы всей нации Китая против агрессии Японии, японского милитаризма.

Это позволяло не только сохранить КПК как политическую силу в Китае, но и претендовать на место того, кто возглавляет, во всяком случае, в пропагандистском плане, всю нацию Китая в ее борьбе против японской агрессии.

Собственно говоря, нападение Японии на Китай в 1931 году стало таким событием, которое позволило, в известной степени, по-новому увидеть и то, что происходило в мире в целом, и

на Дальнем Востоке, и во взаимоотношениях Китая, Японии и России, и внутри самого Китая, как между Гоминьданом и КПК, так и внутри самой КПК.

Стало еще более очевидно, что тогда, когда дело касалось Китая, особенно с началом 1930-х гг., ситуация стала иной, чем до тех пор.

Если раньше Китай, в основном, оставался как бы вещью самой в себе, то есть не имел существенных связей с остальным миром, то в упомянутый период его судьба стала все больше взаимосвязанной с нашей страной, с окружающими странами, с государствами Европы, с США.

Одновременно происходил процесс изменения ситуации внутри самого Китая. Единая империя, Великая Цинская империя, перестала существовать еще в 1911 году. На смену ей сначала пришла раздробленность страны, ее деление на несколько частей, в каждой из которых объявились свои военные властители или милитаристы.

Вместе с тем появились сначала одна (Гоминьдан), потом другая (КПК) политическая сила, которая ставила своей целью и создание централизованного и единого китайского государства, и обретение этим государством полной независимости от кого бы то ни было в мире, и подчинение Китая власти только данной политической партии.

Сначала на первый план вышла борьба за объединение Китая. Здесь оказалось, что справиться с решением этой задачи можно только при помощи извне, а такую помощь могла и хотела оказать только наша страна.

Так сложились двусторонние отношения между Китаем и Россией, отличавшиеся от отношений Китая с любыми другими странами.

Это произошло в первой половине 1920-х гг. Именно тогда уже существовал Гоминьдан, и появилась Коммунистическая партия Китая. Фактически образовался своего рода тройственный союз: Партия Гоминьдан Китая, Коммунистическая партия Китая и СССР. Это принесло успех. Появилось единое государство Китая на китайском континенте с центральным правительством.

Первый период существования КПК совпал этим периодом в истории Китая.

Затем наступил второй период. Для него оказалось характерным возникшее по инициативе Гоминьдана противостояние этой партии и Коммунистической партии Китая. Речь пошла о смертельной борьбе, о борьбе не на жизнь, а на смерть, между Гоминьданом и КПК. КПК оказалась на грани уничтожения.

Перед КПК встала задача выжить в этих условиях, создать свои вооруженные силы и вести борьбу против Гоминьдана.

В этой же ситуации на уровне столиц были разорваны отношения между Китайской Республикой и СССР.

ВКП(б) – СССР оказали Компартии Китая всю возможную помощь с тем, чтобы партия сохранилась, чтобы она смогла создать в Китае советские районы, чтобы в СССР был проведен очередной съезд КПК, чтобы продолжало существовать руководящее ядро КПК, чтобы партия оставалась составной частью Коминтерна. Таким был следующий период в истории КПК.

Здесь необходимо вспомнить о том, что первым и главным руководителем Партии Гоминьдан Китая был Сунь Ятсен. Он был единственным человеком, которого в Китае в двадцатом столетии называли *го фу* – Отцом Отечества.

Если обратиться к тем мыслям, которыми определялась его политика, то важно обратить внимание на то, что сначала это были мысли, именовавшиеся *сань минь чжэу и* – три принципа народа (нации).

Первый из этих принципов, с точки зрения Сунь Ятсена, состоял в том, чтобы сплотить всю нацию Китая, весь народ Китая, опираться на стремление всех китайцев, или их большей части, покончить с господством иностранцев, а иностранцами в период Синьхайской револю-

ции 1911 года они считали маньчжуров, над Китаем. Единство на принципе принадлежности к единому народу, к единой нации. Вот с чего начинал Сунь Ятсен.

Следующим его принципом, или его целью, было установление в Китае власти народа. Сунь Ятсен был твердым сторонником республиканского строя в Китае. Здесь возникали возможности для маневрирования с учетом участия во властных структурах и других, кроме Гоминьдана, политических сил.

Наконец, еще одной целью Сунь Ятсен ставил достижение зажиточной жизни для населения страны. Это, конечно, была отдаленная цель.

В 1920-х гг. оказалось, что на пути ко всем этим целям необходимо опираться и на помощь со стороны СССР, и на сотрудничество с КПК, чего также хотел СССР.

Поэтому Сунь Ятсен скорректировал свои цели.

Он выдвинул три главных политических установки. Это означало, что прежние цели оставались, но на пути к ним можно и нужно было сделать еще кое-что.

Прежде всего, с точки зрения Сунь Ятсена, для него и его сторонников было важно пойти на союз с Россией. Речь шла о союзе двух наций, очевидно на основе того, что понималось в Китае, у Сунь Ятсена, как совпадение коренных интересов этих двух наций. Мы подчеркиваем, что у Сунь Ятсена речь шла именно о России, то есть о нации, а не о советской России. Вспомним, что «Соглашение Сунь Ятсена – Иоффе» включало в себя пункт о неприменимости советизма в Китае.

Далее Сунь Ятсен допускал необходимость пойти и на союз с китайскими коммунистами. Очевидно, конечно, что, с его точки зрения, это было допущением деятельности КПК при условии, что она не будет препятствовать положению Гоминьдана как правящей и главной партии в стране.

И, наконец, еще одной установкой Сунь Ятсена было оказание поддержки крестьянам и рабочим.

В этом можно было увидеть не только стремление привлечь на свою сторону своей политикой крестьян и рабочих Китая, но и поиск нового состояния отношений Китая и Советского Союза. В свое время Сунь Ятсен договаривался с советской стороной о том, что советизм не применим в Китае. Очевидно, что Сунь Ятсен продолжал исходить из этого и в дальнейшем. Очевидно также, что он предлагал искать пути взаимопонимания на основе поддержки крестьян и рабочих.

Такой была платформа Сунь Ятсена. Важно отметить, что отношения с нашей страной он видел не только как отношения союзников, но и как братские отношения, которые прочнее и важнее дипломатических отношений. Эти отношения включали в себя и предложение использовать армию СССР на территории Китая в борьбе против тех, в ком Сунь Ятсен видел своих врагов внутри Китая. Именно с таким предложением Чан Кайши и приезжал в СССР в 1923 году в качестве главы «делегации доктора Сунь Ятсена».

Так закладывалась основа прочных отношений и с нашей страной и внутри Китая между Гоминьданом и КПК.

После смерти Сунь Ятсена его преемник Чан Кайши, по-своему оценив действия КПК, ее руководителей, пришел к выводу о необходимости и возможности повести борьбу на уничтожение КПК как политической силы. Это повлекло за собой и разрыв дипломатических отношений между Китайской Республикой, ее столицей Нанкином, и СССР, его столицей, Москвой. Отношения на уровне консульств сохранились.

В такой-то ситуации и появился своего рода «новый курс» действий КПК, который был предложен Сталиным и который представлялся правильным Чэнь Шаоюю. Это был курс на длительную борьбу за существование и накопление сил КПК в удаленных от городов сельских районах Китая. Это был курс на сохранение вооруженного противостояния двух политических сил внутри Китая.

Однако ситуация изменилась, и изменилась существенно, после нападения Японии на Китай в 1931 году.

Тогда для нации Китая в целом на первый план выдвинулась необходимость воевать за существование нации Китая против японских агрессоров. При этом далеко не все в Китае и далеко не сразу поняли это. В то же время мир уже оказывался взаимосвязан, взаимная связь существовала между войнами на Востоке и на Западе. Впереди маячила война на Западе, в Европе.

В этой ситуации и понадобилось выработать новый политический курс и для Коммунистической партии Китая.

Когда Япония начала свою агрессию против Китая, тогда возникла совершенно новая ситуация. Снова появилась необходимость и заинтересованность Китая в том, чтобы СССР оказался союзником Китая в его военном противостоянии с Японией. Эта заинтересованность Гоминьдана вела к изменению и отношения Гоминьдана к вопросу о взаимоотношениях с КПК. Это также потребовало времени.

Гоминьдан попытался, как считал Чан Кайши, даже в условиях фактической военной агрессии Японии против Китая, сначала решить вопрос о КПК, то есть добиться ликвидации этой партии, устранения ее с политической арены в Китае. Частично эта задача была решена. Однако КПК, уйдя в глухие районы Китая, сохраняя частично свои опорные базы, продолжала существовать и действовать.

Вместе с тем назревал вопрос и о договоренности между Москвой и Нанкином о фактическом военном союзе, о превращении СССР и Китайской Республики в первых по счету, по времени союзников во Второй мировой войне.

Назревал и вопрос о создании в Китае единого национального антияпонского фронта.

При этом не могли обойтись без Советского Союза.

Тогда-то и начался очередной новый период в истории КПК

Именно в это время значительную роль в выработке политики партии играл Чэнь Шаоюй. Он с 1931 года по 1937 год находился в СССР, но оказывал влияние и на решения руководства КПК в самом Китае.

Здесь необходимо остановиться на работе Чэнь Шаоюя в Коминтерне. С 1932 года Чэнь Шаоюй взял себе псевдоним Ван Мин.

7 ноября 1931 года Чэнь Шаоюй приехал в Москву. Он был избран членом Президиума ИККИ, а в дальнейшем – членом политсекретариата ИККИ. В целом, с 10 ноября 1931 года по 14 ноября 1937 года Чэнь Шаоюй (Ван Мин) представлял КПК в ИККИ и работал в его руководящих органах. (С. 185.)

2 сентября 1932 года Чэнь Шаоюй выступил на пленуме ИККИ с речью на тему «Советский этап китайской революции». Он сказал, что в то время «в Китае уже идет революция и война», и что «Китай сейчас уже стал одним из основных звеньев в цепи революций и войн». (С. 185.)

Ван Мин в свои 28 лет оказался на несколько лет в роли не только старшего по положению представителя КПК в ИККИ и в СССР, но и в роли человека, который имел возможность и должен был, хотя и находясь в Москве, но выступать от имени руководства КПК в самом Китае по вопросам, касавшимся взаимоотношений с Гоминьданом в ходе военного противостояния с Японией.

При этом Ван Мину пришлось действовать в кругу высоких руководителей ряда коммунистических партий, руководителей Коминтерна и представителей высшего руководства ВКП(б) – СССР.

Ван Мин оказался на своем месте. Очевидно, реагируя на формировавшееся в известной степени под влиянием событий в Китае мнение о том, что КПК потерпела большое поражение и уже не играет серьезной роли в Китае, он выдвинул мысль о том, что революционное движение в Китае не затухает, а развивается. Вместе с тем, он поставил вопрос таким образом, что в Коминтерне на КПК должны смотреть как на партию, которая способна в одно и то же время и находить методы продолжения революции в стране и занять ведущее место в борьбе за сплочение всей нации Китая на войну против японской агрессии.

Не менее, а, может быть, и еще более важной задачей Ван Мина стало оказание воздействия на руководство ВКП(б) – СССР с тем, чтобы там считались с самостоятельностью КПК.

Наконец, Ван Мин предлагал такую политику, которая была рассчитана на изоляцию Чан Кайши, и, в то же время, на привлечение к КПК симпатий многих людей в Китае, настроенных на оказание решительного отпора японским агрессорам.

На пленуме ИККИ, состоявшемся 30 ноября – 1 декабря 1933 года, Ван Мин, в частности, заявил о готовности советского правительства и Красной Армии Китая заключить боевое оперативное соглашение с любой армией и воинской частью на основе трех элементарных условий, а именно: 1-е, прекращение наступления на Советские районы; 2-е, предоставление народу минимальных демократических прав – свободы слова, печати, организации, забастовок и т. д.; 3-е, предоставление народу права свободной организации антияпонских волонтеров и их вооружения.

Там же содержались требования антияпонской национальной войны: общая мобилизация народа, трех видов вооруженных сил, создание руководящих органов народа в антияпонской войне. (С. 186–187.)

Ван Мин считал, что если бы пораньше начали проводить политику антияпонского и античанкайшистского единого фронта, то Красной Армии не пришлось бы уйти из Центрального советского района. (С. 191.)

Местные военачальники, выступавшие за сопротивление Японии и против «карательного похода» могли начать принимать предложения Советского правительства и главного штаба Красной Армии заключить боевое оперативное соглашение на основе трех условий для совместных военных действий против японской агрессии, и тогда эти военачальники могли бы вынудить Чан Кайши согласиться на сопротивление японской агрессии и отказаться от войны против коммунистов. (С. 191–192.) Ван Мин предлагал создать с упомянутыми военачальниками, принимавшими три упомянутых условия, антияпонский союз и пойти на совместные военные действия против Чан Кайши. (С. 193.)

Манфред Штерн, главный военный советник (1933–1934 гг.) при главном штабе китайской Красной Армии, находившийся территориально в Шанхае как член Дальбюро ИККИ, считал, что у Китая нет третьего пути. Он считал: либо советский путь, либо гоминьдановский. Он утверждал, что в фуцзяньском правительстве есть милитаристы и социал-демократы (имеется в виду «Третья партия»), с ними нельзя создавать единый фронт. (С. 193.)

Ван Мин считал, что такая оценка фуцзяньского правительства не верна; раз они принимают наши три условия, надо создать с ними антияпонский союз и пойти на совместные военные действия против Чан Кайши. (С. 193.)

Мао Цзэдун считал: «Третий путь не возможен» (С. 195.)

Из всего этого следовало, что уже в то время Ван Мин оказался первым и единственным из руководителей КПК, который считал, что в условиях, когда Япония осуществляла агрессию против Китая как нации, можно и нужно от политики борьбы против всего того, что связано с

силами, действовавшими в рамках Китайской республики, предлагать объединять силы КПК и всех тех, кто в гоминьдановском Китае соглашался вступить в союз с КПК ради совместного отпора японцам.

Ван Мин полагал, что такая возможность имела. Здесь и проявилось еще одно разногласие между Ван Мином, с одной стороны, и Мао Цзэдуном, а также главным военным советником при главном штабе китайской Красной Армии М. Штерном. Так оказалось, что Мао Цзэдун и этот представитель Коминтерна были вместе и были не правы, а Ван Мин был прав.

Начальник разведывательного управления штаба РККА Я. К. Берзин сказал: полученные нами сведения говорят о том, что Центральный советский район невозможно дальше оборонять. Ради сохранения живой силы Красной Армии, надо отказаться от Центрального советского района, перевести Красную Армию в другое место и создать новый советский район. (С. 194–195.)

Таким образом, мнения Ван Мина и руководителя разведки РККА совпадали.

Но дело было в том, что еще до того, как возникла необходимость и неизбежность передислоцирования руководства КПК и его вооруженных сил в районы, удаленные крупных городов, таких, как Шанхай и Нанкин, Ван Мин предлагал политические решения, предусматривавшие возможность создания объединенных сил коммунистов гоминьдановцев на основе общего сопротивления японским агрессорам. Эти предложения Ван Мина не были претворены в жизнь. В известной степени и из-за позиции Мао Цзэдуна.

В 1932–1937 гг. Ван Мин представлял КПК в Коминтерне; в 1934–1935 гг. по совместительству руководил работой ИККИ в Латинской Америке; в 1935–1943 гг. был членом Президиума и кандидатом в члены Секретариата ИККИ. (С. 187.)

Таким образом, Ван Мин занимал достойное место среди руководителей Коминтерна. Он представлял там Китай, КПК. Важно также отметить, что уже тогда руководители Коминтерна, в том числе представители ВКП(б), считали, что китайские коммунисты могут и должны играть свою роль, беря на себя ответственность и за работу в других частях света, в данном случае, в Латинской Америке.

Здесь важно также остановиться более подробно на роли Ван Мина в процессе выработки и осуществления Коммунистической партией Китая политики антияпонского национального единого фронта. Это важно и по той причине, что позиция Ван Мина выражала коренные интересы не только КПК, но и нации Китая в целом, легла в основу сотрудничества КПК и Гоминьдана на протяжении ряда лет Антияпонской войны, а также и по той причине, что именно в этом случае наглядно видно, что Ван Мин был теоретиком и практиком, предлагавшим правильные решения не только с точки зрения интересов КПК, Китая, но и объединения усилий наших двух народов и стран.

На следующий день после 18 сентября (начала наступления японских войск на Шэньян), то есть 19 сентября 1931 года, в обращении ЦК КПК к народу был выдвинут лозунг «национальной революционной войны вооруженного народа против японского империализма в защиту национальной независимости, единства государства и территориальной целостности Китая». Это было сделано в противоположность лозунгу Чан Кайши о «непротивлении» Японии. Этот призыв вызвал мощное массовое движение в стране за сопротивление Японии и спасение родины. В этом заключается основное содержание «Обращения ЦК КПК к народу по поводу маньчжурских событий 18 сентября 1931 года». Это основное содержание было со слов Ван Мина записано Бо Гу, так как Ван Мин был тогда в глубоком подполье. (С. 198–199.)

Все началось, в данном случае, с того, что после начала оккупации Маньчжурии японцами в 1931 году Ван Мин был первым из руководителей КПК, руководителей Китая, которой поставил вопрос о характере тогдашних отношений Китая и Японии. Он первым сказал, что речь идет о войне, о войне народа или нации Китая против японского империализма и японского посягательства на национальную независимость и территориальную целостность Китая. Так оказалось, что в Коммунистической партии Китая Ван Мин первым поставил интересы нации Китая на первое, главное место при отражении агрессии Японии.

Ван Мин тем самым противопоставил эту позицию точке зрения и политике Чан Кайши.

Более того, это означало, что Ван Мин сумел тогда понять, что интересы нации Китая требовали объединения сил всего народа, включая КПК и Гоминьдан, в войне против Японии, ее агрессии. Тем самым Чан Кайши оказался позади Ван Мина, так как он считал, что главным, первостепенным в то время было уничтожение коммунистов внутри Китая, а Ван Мин предложил китайскому народу сначала сосредоточить силы на оказании отпора японцам.

Во время обороны Шанхая и Усуна в начале 1932 года Ван Мин через аппарат Коминтерна предложил руководству ЦК КПК поддержать стихийно выдвинутые народными массами лозунги: «Объединение рабочего класса, крестьянства, воинов, интеллигенции, учащихся и буржуазии для совместной борьбы против Японии, за спасение родины», «Оказать всестороннюю помощь героической 19-й армии в войне против японских агрессоров». Эти лозунги поднимали авторитет КПК как объединяющего центра в национально-освободительной борьбе всего китайского народа. По получении такой телеграммы от Дальневосточного Бюро ИККИ, Бо Гу выступил против второго из этих лозунгов, назвав его «архаичным, пригодным лишь для революции 1925–1927 гг.». (С. 199.)

На этом примере видно, что Ван Мин по достоинству выдвинулся на место идейного руководителя КПК.

Ведь тут Бо Гу, который занимал тогда пост первого по рангу руководителя КПК, генерального секретаря ЦК КПК, оказался далеко «позади» Ван Мина. Бо Гу продолжал считать, что только во времена великой революции 1925–1927 гг. КПК должна была объединять усилия с Гоминьданом, с частями армии Гоминьдана в их совместной борьбе.

После переворота, изменения политического курса, совершенного Чан Кайши в апреле 1927 года, с точки зрения Бо Гу, взаимодействие КПК и Гоминьдана, тем более вооруженных сил КПК и Гоминьдана, было невозможно, исключалось. Бо Гу не сумел тогда осознать, что ситуация коренным образом изменилась после нападения Японии на Китай в сентябре 1931 года. Он не сумел понять, что перед КПК открылась тогда возможность занять позицию, которая позволяла ей не только сохраниться, но и выдвинуться на ведущее место, во всяком случае, там, где речь шла об оказании отпора нацией Китая японским агрессорам.

В противовес этой точке зрения, Ван Мин первым среди руководителей КПК, да и вообще руководителей нации Китая в то время, сумел понять и сформулировать правильную позицию: в ситуации, когда над нацией Китая нависла величайшая опасность, угроза уничтожения ее независимого существования со стороны Японии, необходимо объединение всего народа страны, необходимо совместное сопротивление японцам вооруженных сил и Гоминьдана и КПК. Это действительно был революционный прорыв в идеологии КПК в то время.

По предложению Ван Мина, от имени Временного Центрального правительства Китайской Советской республики в мае 1932 года была объявлена война Японии, что вызвало большое уважение и симпатию китайского народа к этому правительству, как правительству национальной обороны перед лицом японской агрессии. (С. 199.)

В связи с японской оккупацией северной части Маньчжурии и вооруженным сопротивлением со стороны армии Северо-Востока, а также многочисленных антияпонских волонтер-

ских отрядов, осенью 1932 года была разработана политика антияпонского единого фронта КПК и руководимых ею антияпонских партизанских отрядов с армией Северо-Востока и всеми антияпонскими силами в Маньчжурии. Эта политика была изложена Ван Мином в виде письма от Политбюро ЦК КПК к Маньчжурскому провинциальному комитету КПК. (С. 199.)

Ван Мин, находясь в Москве, играл существенную и уникальную роль при выработке, объявлении и осуществлении политики КПК в то время.

В частности, важно подчеркнуть, что после начала японской агрессии против Китая 18 сентября 1931 года Ван Мин сразу же призвал рассматривать это как войну Японии против Китая, и, следовательно, как необходимость войной ответить на войну.

Спустя восемь месяцев после нападения Японии, увидев, что правительство Китайской Республики, Чан Кайши, так и не объявляет войну Японии, не оказывают военного сопротивления Японии, Ван Мин внес предложение и по его предложению правительство Китайской Советской республики объявило в мае 1932 года войну Японии.

Так возникла уникальная ситуация. Япония напала на Китай. Официально существовавшее единственное признанное в мире правительство континентального Китая, правительство Китайской Республики, так и не объявило войну Японии. В то же время, существовавшее на части, пусть и небольшой части, территории Китая правительство Китайской Советской республики, пусть и не признанное в мире, объявило войну Японии.

Это означало, что, по предложению Ван Мина, Коммунистическая партия Китая, руководимое ею правительство на части территории Китая, объявили войну Японии и начали находиться в состоянии войны с Японией с мая 1932 года. Это было важно с точки зрения истории Китая и взаимоотношений Китая и Японии.

Во исполнение этого решения, также по инициативе Ван Мина, была разработана в виде документа ЦК КПК политика антияпонского единого фронта КПК и партизан Маньчжурии. Это произошло осенью 1932 года.

Одним словом, именно Ван Мин первым в Китае предложил войной сопротивления ответить на агрессивную войну Японии. По его настоянию эта политика была принята ЦК КПК и правительством Китайской Советской республики. Это, в частности, означало, что в Коминтерне, в СССР хорошо знали позицию Ван Мина. А это, в свою очередь, играло роль, по крайней мере, там, где дело касалось Коминтерна, то есть на мировой арене, в этой ее части.

Благодаря этому письму (на чем настаивали Ван Мин и Миф), пусть и с запозданием из-за сопротивления отправке такого письма руководителями Восточного секретариата ИККИ (в том числе О. В. Куусинена), была выправлена ошибка, выражавшаяся в отсутствии всякого антияпонского единого фронта. Это позволило реорганизовать Красную армию и отряды красных партизан в Народно-революционную армию Северо-Восточного Китая, а также создать антияпонский единый фронт с частью подразделений армии Северо-Востока и другими антияпонскими вооруженными силами. Тем самым было положено начало сплочению различных антияпонских сил Маньчжурии. Это содействовало их развитию. (С. 199–200.)

Позиция Ван Мина по вопросу о политике в отношении японской агрессии против Китая была его личной позицией. Судя по всему, ЦК КПК в то время поддерживал позицию Ван Мина, следовал за ним в этом вопросе. В то же время в Коминтерне главный представитель ВКП(б) Куусинен сопротивлялся отправке в Китай от имени Коминтерна письма с изложением позиции Ван Мина. Это свидетельствовало как о самостоятельном взгляде Ван Мина на ситуацию, так и о том, что и в Коминтерне, и в ВКП(б) были те, кто не понимал тогда правоты Ван Мина.

В январе 1933 года Ван Мин написал от имени Центрального советского правительства и главкома Рабоче-Крестьянской Красной Армии Китая обращение ко всем воинским частям

Китая с заявлением о том, что Красная Армия Китая готова заключить боевое соглашение с любой воинской частью для совместных антияпонских военных действий при следующих трех простейших условиях: 1-е. Прекращение наступления на Красную Армию и советские районы Китая; 2-е. Предоставление народу демократических свобод; 3-е. Предоставление народным массам свободы в организации антияпонских вооруженных волонтерских (добровольческих) отрядов.

Этот документ сразу же вызвал положительный отклик гоминьдановских войск, стоявших против Центрального советского района.

Их военачальники во главе с главкомом генералом Чэнь Чэном потребовали у Чан Каши принять предложение китайских коммунистов для совместной борьбы против японского агрессора. Чан Кайши категорически отказался от их требований и тем самым разоблачил лицемерный характер своего лозунга: «Для того чтобы ударить по внешнему врагу (то есть по японскому агрессору), необходимо сначала покончить с внутренним врагом (то есть с Красной Армией Китая)». Фуцзяньское народное правительство и 19-я армия в конце 1933 года заключили антияпонский и античанкайшистский единый фронт с Китайским Советским правительством и его Красной Армией именно на основе этих трех условий. Генералы Фэн Юйсян и Фан Чжэнь, вместе с генералом-коммунистом Ди Хунчаном, поднявшие в 1933 году антияпонское восстание в северной провинции Чахар, также открыто объявили о своей согласии с этими тремя условиями Красной Армии Китая. В своих антияпонских и античанкайшистских выступлениях летом 1936 года военачальники провинций Гуандун и Гуанси, как и впоследствии генералы Чжан Сюелян и Ян Хучэн во время «Сианьских событий» (декабрь 1936 года), тоже находились под влиянием этих трех условий и других призывов КПК к прекращению гражданской войны ради совместного сопротивления японской агрессии. (С. 201.)

Курс этого документа совершенно отличался от курса так называемых «триединых» лозунгов, выдвинутых в конце 1931 года О. В. Куусиненом. Тогда он считал, что лозунг «национально-революционной войны вооруженного народа против японского империализма в защиту национальной независимости, государственного единства и территориальной целостности Китая» правильный, но этот лозунг не был прямо связан с борьбой против Гоминьдана и за советское движение; поэтому он выдвинул в добавление к этому еще два лозунга: «Свержение гоминьдановского правительства национальной измены и национального позора является условием проведения антияпонской войны» и «Только китайские Советы и Красная Армия являются единственной силой для ведения этой войны», как «триединые» лозунги. (С. 201–202.)

Представляется необходимым обратить особое внимание на позицию Ван Мина по этим вопросам. Она свидетельствует о том, что Ван Мин оказался первым и единственным руководителем Китая, КПК, к тому же представителем КПК в интернациональной или международной организации, то есть в Коминтерне, который сумел правильно оценить ситуацию, не попал в тиски шаблонных представлений, требовавших продолжения, прежде всего, классовой борьбы в Китае, выдвижения на первый план именно свержения классово враждебного КПК правительства Чан Кайши. Ван Мин сумел понять, что существуют интересы нации, интересы ее выживания, которые превыше всего остального, выше интересов внутри китайской борьбы за власть.

Ван Мин своей позицией «поправлял» не только часть руководителей КПК, не только гоминьдановцев, но и ряд руководящих работников Коминтерна.

Весной 1933 года Ван Мином был разработан документ под названием «Воззвание подготовительного собрания Комитета антияпонской национальной самообороны китайского

народа». Он вызвал широкий подъем антияпонского движения и создания организаций анти-японской вооруженной самообороны среди китайских эмигрантов за рубежом. (С. 202.)

Оказалось также, что Ван Мин сделал важные выводы и из своего пребывания в СССР и из своей работы в Коминтерне. Его политический кругозор не только расширился до мировых масштабов, но и включил в себя понимание значимости учета интересов нации Китая в целом, в том числе и интересов китайцев, которые проживали вне Китая, во всех частях земного шара.

Именно поэтому в 1933 году Ван Мин обратился к китайскому народу, исходя из понимания того, что следовало, особенно в условиях японской агрессии против Китая, спланировать весь китайский народ, всю нацию Китая, имея в виду единство интересов и всех людей внутри Китая, не взирая на их классовые различия, и всех китайцев, которые жили где бы то ни было во всем мире.

Ван Мин первым среди руководителей КПК, среди руководителей Китая, в условиях войны против Японии, поставил вопрос о единстве нации Китая, единстве ее национальных интересов, включая сюда и интересы китайцев, проживавших за границей.

Нация Китая при этом у Ван Мина впервые предстала, как сообщество всех китайцев, живущих, как в Китае, так и везде в мире, за рубежами того или иного китайского государства. (Вспомним, что, с точки зрения Ван Мина, в то время в континентальном Китае существовали два государства: Китайская Республика и Китайская Советская республика.)

Ван Мин поднялся здесь до уровня представителя не только людей, живущих в Китае, но и всех китайцев, обитающих на планете.

Пусть это было всего лишь в форме призывов, документов, деклараций, но, и это важно, очень важно, если рассматривать все это с позиций истории нации Китая, но не только ее, но и всемирной истории.

Летом 1933 года от имени Ван Мина и Кан Шэна было направлено директивное письмо (написанное Ван Мином) Маньчжурскому провинциальному комитету КПК, в котором, кроме дальнейшего развития политики антияпонского и антиманьчжоугоского единого фронта указывалось, что необходимо использовать различные легальные возможности для внедрения в массы, накопления сил, создания опорных баз, готовиться к длительной революционной партизанской войне против японских захватчиков и их марионеточного «государства» Маньчжоу-Го. (С. 202–203.)

Время шло. Япония оккупировала Маньчжурию в 1931 году. Затем на территории Северо-Восточного Китая она создала марионеточное государство Маньчжоу-Го.

Так на территории континентального Китая (мы говорим о континентальном Китае, прежде всего, имея в виду то, что в то время Тайвань находился под властью Японии) стали, так или иначе, существовать три государства: Китайская Республика, Китайская Советская республика, Государство Маньчжоу-Го.

При этом Китайская Республика так и не объявила войну Японии. Такую войну объявила Китайская Советская республика.

Продолжая проведение своего курса, направленного на создание единого антияпонского национального фронта в Китае, Ван Мин выдвинул мысль о том, что следует готовиться к длительной партизанской войне против японских захватчиков на территории Маньчжурии, используя (в то время) легальные возможности, и готовя партизанскую войну. Это, собственно говоря, был еще один призыв к народу Китая, включая людей и в гоминьдановском Китае, к тому, чтобы искать пути к сплочению и организации совместного отпора японской агрессии.

В июне-июле 1935 года Ван Мин написал проект «Обращения ЦК КПК и правительства Советской Республики Китая ко всем соотечественникам с призывом к сопротивлению Японии и спасению отечества». В нем указывалось на серьезный характер национального кризиса и на пагубные последствия политики непротivления, осуществлявшейся Гоминьданом; подчеркивалась линия на «прекращение гражданской войны ради совместного сопротивления Японии»; были выражены решимость и готовность ЦК КПК и Правительства Советской Республики Китая к началу переговоров с Гоминьданом и другими военными и политическими силами в целях создания совместно «Единого всекитайского правительства национальной обороны» и «Всекитайской единой Объединенной антияпонской армии». Речь шла о тактике принуждения Чан Кайши к сопротивлению Японии. (С. 204.)

Очевидно, что, начиная, по крайней мере, с оккупации Японией Маньчжурии в 1931 году, Ван Мин сосредоточился на мысли о том, что это означало для Китая, для нации Китая, включая КПК, и что следовало делать при таких обстоятельствах.

К 1935 году, с точки зрения Ван Мина, если не для большинства, то для очень многих людей в Китае, стали ясными две вещи.

Во-первых, то, что нация Китая оказалась в кризисе; речь шла уже не просто о войне, об оказании отпора, а о том, что, как писал поэт Тянь Хань: «*чжун хуа минь цзу дао ла цзуй вэй сянь ды ши хоу* – для нации Китая настало время величайшей опасности»; отечество находилось в опасности, над отечеством нависла угроза гибели.

Во-вторых, для всей нации Китая первостепенным становилось понимание того, что внутри Китая войну следовало остановить, создать единый фронт оказания сопротивления Японии.

Исходя из этого, Ван Мин и предложил от имени КПК и Китайской Советской Республики Гоминьдану, другим военным и политическим силам создать единое всекитайское правительство национальной обороны и объединенную антияпонскую армию.

Тактической задачей при этом представало принуждение Чан Кайши к осуществлению этих предложений.

Здесь попутно можно упомянуть о том, что все то, что предлагал Ван Мин, начиная с того момента, когда он стал активно участвовать в руководстве КПК, опережало понимание ситуации Мао Цзэдуном. Мао Цзедун, именно следуя за Ван Мином, использовал предлагавшиеся им меры – создание единого национального антияпонского фронта, создание коалиционного правительства, – однако в иной обстановке и вкладывая в эти правильные в свое время предложения, свое содержание, которое расходилось с тем, что имел в виду Ван Мин.

Собственно говоря, Ван Мин оказался тем человеком, который сумел в ситуации, когда внутри Китая боролись между собой две политические партии, две их армии, когда шла, казалось бы, непримиримая смертельная классовая борьба, и, к тому же, на Китай напала Япония, подняться до понимания высших интересов всей нации Китая.

Эти интересы требовали отказа, хотя бы на время, от братоубийственной войны внутри страны и сосредоточения всех сил, создания единства нации на войну против японского агрессора.

Это потребовало от Коммунистической партии Китая не только выступить с предложением о создании единого фронта, но и пойти на компромисс с Гоминьданом. Нужно было пойти на уступки. Отказаться от ряда вещей. Ван Мин оказался способен сформулировать условия компромисса, предложить Гоминьдану уступки со стороны КПК.

Это произошло на заседаниях делегации КПК при Коминтерне в Москве.

Ван Мин на соответствующих заседаниях делегации КПК говорил об условиях компромисса:

- приостановка осуществления политики конфискации земли помещиков;
- переименование Советской Республики Китая в Народную Республику Китая, а, в конечном счете, даже возможно переименование Правительства Советской Республики Китая в демократическое правительство; до этого возможно в ближайшее время переименовать Советскую Республику Китая в Советскую Народную Республику Китая;
- переименование Рабоче-Крестьянской Красной Армии Китая в Народно-революционную армию Китая в целях создания всекитайской единой Объединенной антияпонской армии.

Ван Мин разъяснил, что эти три условия внешне кажутся уступками. Но в действительности они не только необходимы и возможны, но и выгодны нам. Дело в том, что эти изменения расширят нашу социальную основу, и показывают явно национальный и подлинно народный характер политики КПК. Тем самым они позволят народу Китая еще яснее понять, что политика Компартии Китая – это политика действительно соответствующая интересам всего народа и всей нации. (С. 204–205.)

На заседании против этого возражали Миф и референт-переводчик Кан Шэна Крымов (Го Шаотан). (С. 205.)

Фактически, Ван Мин сделал в этом случае то, что видится как его высшее достижение в политике.

Во-первых, он предложил отказаться от конфискации земли помещиков. Это означало отказ КПК от осуществления в то время центральной задачи во внутрикитайской классовой борьбе. Таким образом, ситуация в стране в этом плане как бы замораживалась. Возникал как бы временный мир в классовой борьбе внутри Китая. Народ Китая получал возможность думать о главном, о войне против японцев. Получалось, что сначала все силы народа можно было и нужно было сосредоточить на спасении отечества, на отечественной войне, а уж потом заняться решением других вопросов.

Во-вторых, Ван Мин предлагал вернуться к договоренности между коммунистическим движением в Китае и движением под руководством Гоминьдана. В свое время Сунь Ятсен и Иоффе (представлявший тогда СССР) договорились о том, что «советизм» не приемлем в условиях Китая. Ван Мин фактически предлагал вернуться к сути такой договоренности. Он предлагал Гоминьдану такую уступку со стороны КПК, как изменение названия властей в тех районах, где действовала Коммунистическая партия Китая. Предлагалось переименовать Советскую Республику Китая (или Китайскую Советскую Республику) в Народную Республику Китая (в Китайскую Народную Республику). Собственно говоря, это было сближение двух наименований. Приближение наименования властей в районах, где главенствовала КПК, к названию властей в районах, где главенствовал Гоминьдан. Появлялся термин «народ». Этот термин мог сближать, хотя бы и только в теоретическом, идеологическом плане КПК и Гоминьдан.

В-третьих, Ван Мин предлагал изменить наименование вооруженных сил КПК. Называть их народно-революционной армией.

В целом все это дало возможность КПК и Гоминьдану искать и находить компромисс на основе временного отказа от классовой борьбы внутри страны и единения на основе понятия «народ». Это также позволяло прекратить военные действия между вооруженными силами Гоминьдана и КПК, именуя и те и другие народно-революционной армией.

Попутно можно заметить, что, возможно, именно тогда появился термин Китайская Народная Республика (Республика Народа Китая), который и был принят и использован Мао Цзэдуном при создании им своего государства в 1949 году. И в этом случае Ван Мин оказался предтечей Мао Цзэдуна, а Мао Цзэдун – тем, кто использовал в своих целях то, что было осмыслено и предложено Ван Мином.

Во время открытия Седьмого Конгресса Коминтерна Ван Мин имел продолжительную беседу со Сталиным. Речь шла о содержании упомянутого документа и о помощи со стороны СССР Красной Армии Китая.

В результате документ был опубликован 1 августа 1935 года. Этот день явился днем создания Рабоче-крестьянской Красной Армии Китая. Он известен в Китае как «Воззвание 1 августа». (С. 206.)

В 1935 году произошли важные события как в том, что касалось Китая, так и в том, что касалось взаимоотношений между ВКП(б) – СССР, с одной стороны и КПК, с другой стороны.

Китай уже четвертый год подвергался агрессии со стороны Японии. В Китае нашелся политический деятель, то есть Ван Мин, который понял, в чем тогда состояли коренные интересы Китая, как народа и страны, то есть как нации Китая.

Нация ощутила, почувствовала ярмо японской оккупации. Нация ощущала угрозу своему существованию как самостоятельной и независимой нации. Нация созревала для сплочения в едином порыве дать отпор японской агрессии.

Конечно, Чан Кайши с 1931 года начал играть на разделявшихся многими в Китае, можно даже сказать, традиционно, исторически присущими китайцам, настроениях.

В соответствии с ними многие считали, что нападение Японии – это вроде как бы некая болезнь, болезнь не смертельная. Она должна, рано или поздно, как бы сама собой пройти. Поэтому Чан Кайши, Партия Гоминьдан Китая, Китайская Республика не объявляли войну Японии, не вели военных действий против японцев уже оккупировавших часть территории Китая.

Попутно можно вспомнить, что агрессия Японии против Китая началась войной на морях в 1894–1895 гг. Тогда Япония одержала победу и захватила Тайвань.

Здесь, также попутно, можно вспомнить, что тогда, после упомянутой войны 1894–1895 гг., Китай обратился за помощью к России в надежде найти в ней союзника в отражении японской агрессии. Россия стала таким союзником. В начале двадцатого столетия Япония ввела свои войска на территорию Китая и началась русско-японская война. По сути дела, Россия тогда выполняла свои союзнические обязательства и защищала не только себя, но и Китай.

Китай же занял позицию того, кто как бы отстранялся от этой войны. В Китае предпочитали дать возможность Японии и России воевать между собой. Более того, в Китае в большей степени критиковали и обвиняли Россию даже в том, что она якобы намеревалась захватить территорию Китая.

История, однако, показала, что, начиная с 1896 года, Россия согласилась вступить в отношения союза с Китаем. И, так или иначе, выполняла свои обязательства вплоть до 1945 года, то есть на протяжении 50 лет.

За эти полвека Россия, в конечном счете, разгромила агрессивную, оккупировавшую Китай, его Северо-Восток, японскую армию.

Россия при этом не захватила никакую территорию Китая. Россия действовала, исходя из совпадения коренных национальных интересов, совпадавших интересов, России и Китая.

Осознать и понять все это, или основную суть происходившего, в первой половине 1930-х гг. в Китае смог, прежде всего, Ван Мин.

Итак, повторим. В 1931 году Япония захватила Северо-Восток Китая или Маньчжурию. Таким образом, Китай потерял уже и Тайвань и Маньчжурию. И, несмотря на это, все еще рассчитывал на то, что Япония когда-то сама уйдет с китайских земель.

В какой-то степени это было проявление присущей Мао Цзэдуна, но далеко не только ему, мысли о том, что китайцы на протяжении всей своей истории всегда, в конечном счете, ассимилировали всех тех, с кем им приходилось встречаться на тех или иных территориях.

Таковы были настроения части китайцев. Такой была политика Чан Кайши, Гоминьдана, Китайской Республики.

Вместе с тем возрастало желание большей части населения Китая оказать вооруженное сопротивление японцам.

Здесь и возникла возможность выступить с призывом к созданию единого фронта нации Китая в борьбе против Японии, ее военной агрессии.

Возможно, тут продолжала играть свою роль мысль, имевшая хождение в Китае, о том, что Япония – это своего рода «продолжение Китая», что японцы, так или иначе, входят в ареал «культуры Китая». Важно и то, что и в девятнадцатом и в двадцатом веке немало китайцев находили приют в Японии, которая позволяла им готовить реформы или революцию против Цинской династии. При этом каждая нация по-своему, то есть и китайцы, и японцы, исходила из того, что она, в итоге такого процесса, именно она, и, прежде всего, она, окажется в выигрыше и поведет другую нацию за собой.

Все это, в частности, свидетельствовало о том, что китайцы приучили себя к мысли о том, что они могли бы действовать совместно с Японией, в частности, и против России. Не случайно даже Сунь Ятсен призывал создать совместную трехсоттысячную китайско-японскую армию с целью «освободить» Хайшэньвэй, то есть захватить Владивосток. Не случайным представляется и то, что в 1918 году Япония и Китай смогли договориться и подписать соответствующие соглашения и ввести японские и китайские войска на территорию тогдашней России.

Одним словом, вплоть до начала 1930-х гг., многим в Китае представлялось, что Китай и Япония могли бы находиться в состоянии некоего союза, или, во всяком случае, находить взаимопонимание, как «люди Востока».

Здесь необходимо упомянуть о том, что уже в ходе Антияпонской войны в Китае японцам удалось создать китайское правительство под руководством Ван Цзинвэя, которое имело и армию, и которое помогало японцам оккупировать значительную часть Китая. Коллаборационизм в пользу японцев в Китае имел под собой почву и проявлялся весьма значительно. Нация Китая в период японской оккупации была в определенной степени расколота.

Ван Мин стал тем политическим деятелем, который, несмотря на настроения и политику Чан Кайши, а также несмотря на настроения ряда руководителей КПК, которые, как и Чан Кайши, только находясь в оппозиции к нему, ставили на первостепенное место вооруженную борьбу внутри Китая между самими китайцами за власть, борьбу между двумя главными тогда политическими силами, хотя страна находилась частично уже под японской оккупацией, предложил обеим сторонам пойти на уступки ради компромисса и соглашения о единстве нации в борьбе против японской агрессии.

Ван Мин находился в Москве. Там и оттуда он и внес свое предложение, которое было доведено, прежде всего, до КПК в самом Китае.

В Москве, в Коминтерне, некоторые высокопоставленные руководители не соглашались с Ван Мином.

В 1935 году состоялась встреча и продолжительная беседа Сталина и Ван Мина.

Оказалось, что их взгляды в этих вопросах совпадали.

Иными словами, и Сталин, и Ван Мин, исходили из коренных интересов каждой своей нации и из совпадения этих интересов. А все это, с их точки зрения, требовало выдвижения на первый план именно создания единого национального антияпонского фронта в Китае.

Сталин и Ван Мин говорили также о помощи со стороны Советского Союза делу создания Красной армии Китая.

Все это, вместе взятое, свидетельствовало о том, что Сталин и Ван Мин нашли взаимопонимание по двум важнейшим вопросам.

Во-первых, по вопросу о том, что в двусторонних взаимоотношениях главными должны быть отношения между двумя нациями, поиск и нахождение совпадения коренных интересов двух наций.

Стало также очевидно, что здесь, в те времена, прочной основой было совместное оказание сопротивления агрессивной политике Японии.

Япония угрожала обеим нациям. Нации должны были сплотиться.

Это также означало, что внутри каждой нации требовалось национальное единство с тем, чтобы дать отпор агрессии со стороны Японии.

Итак, интересы нации оказывались выше и главнее интересов вождей, политических партий, государств.

Во-вторых, Сталин и Ван Мин пришли к взаимопониманию в вопросе о том, как укрепить взаимопонимание и отношения мира, дружбы, союза и сотрудничества между обеими странами и народами.

Стало очевидно, что и Сталин, и Ван Мин считали, что в Китае, КПК, следовало создать мощные вооруженные силы, только в опоре, на которые КПК и могла рассчитывать на победу в будущем над своими противниками внутри страны.

Следовательно, речь шла о том, что отношения между Россией и Китаем, между СССР и КПК, должны строиться на основе признания принципа вечного мира в их взаимоотношениях, а далее на теснейшем сотрудничестве и союзнических отношениях не только между народами, партиями, государствами, но и между военачальниками, между армиями двух стран.

Поэтому помощь делу создания в Китае Красной армии, вооруженных сил КПК, с точки зрения и Сталина, и Ван Мина, отвечала совпадавшим интересам и их обоих, и их партий, и их государств, и их наций.

Национальные интересы при этом оказывались включавшими в себя интересы взаимоотношений в сфере отношения к миру и к войне, представлявшими собой союзнические отношения между вооруженными силами обеих сторон.

Можно отметить, что к таким выводам в обеих странах приходили, или начали приходить, в 1920-х гг. Важно то, что в 1930-х гг. это подтвердили как основу их взаимоотношений Сталин и Ван Мин.

Таким образом, взаимопонимание и взаимодействие на идейной и классовой основе оказалось дополнением к главному взаимопониманию и взаимодействию, то есть взаимопониманию по вопросу о совпадении интересов наций и взаимопониманию по вопросу о вечном мире во взаимоотношениях наций, о союзнических отношениях вооруженных сил обеих стран.

Это, пожалуй, явилось главным достижением Сталина и Ван Мина, если говорить о взаимоотношениях двух наций, России и Китая.

Отрицательная позиция Мифа по отношению к созданию антияпонского национального единого фронта в Китае оказала определенное воздействие на доклад Димитрова на Седьмом Конгрессе Коминтерна и на решение Конгресса по его докладу о задачах КПК. (С. 206.) Ван Мин предложил Димитрову: во-первых, поставить и выделить политику антиимпериалистического национального единого фронта как главную задачу всех секций Коминтерна в колониальных и полуколониальных странах; во-вторых, предложил готовый текст документа о задачах КПК по созданию антияпонского национального единого фронта в духе упомянутого выше «Обращения» и своего выступления на Седьмом конгрессе Коминтерна о Китае.

Димитров сразу же одобрил предложения Ван Мина и сказал:

Ваши предложения по Китаю совершенно противоположны тому, что было написано товарищами Мифом и Кучумовым для текста моего доклада.

Действительно, Миф и Кучумов написали о задачах КПК еще в духе вышеупомянутых «триединых» лозунгов Куусинена, то есть, сначала – свержение гоминьдановского правитель-

ства, а затем, или только потом – вести антияпонскую национально-революционную войну; при этом Советы и Красная Армия объявлялись единственной силой для ведения этой войны. К сожалению, Миф при передаче Димитрову текста, подготовленного Ван Мином, изменил его в компромиссном духе и убедил Димитрова принять свое добавление о том, что «только Советы могут спасти Китай». Он мотивировал это тем, что, поскольку этот лозунг был выдвинут Сталиным в 1930 году, то его не только нельзя ни в коем случае снимать из доклада, а, наоборот, следует поставить его на центральное место. (С. 207.)

Итак, Ван Мин оказался единственным среди руководителей Коминтерна, руководителей коммунистических партий многих стран, предложившим в 1935 году выдвинуть создание антиимпериалистического национального единого фронта как главную задачу во всех колониальных и полуколониальных странах.

Это означало понимание Ван Мином ситуации в мире того времени таким образом, что коммунистам следовало возглавить народы в каждой, прежде всего, колониальной и полуколониальной, стране, встать во главе каждой такой нации в ее борьбе против империализма.

В какой-то степени что-то подобное повторилось на девятнадцатом съезде КПСС, когда Сталин призвал коммунистов поднять во всех странах знамя демократических свобод.

В середине тридцатых годов речь шла о выдвижении интересов наций на первый план, о том, чтобы именно коммунисты взяли в руки знамя борьбы наций против империализма.

В конце 1940-х гг. речь шла о призыве к коммунистам взять в свои руки знамя борьбы народа каждой страны за демократию.

В какой-то степени, это были, прежде всего, лозунги.

Однако здесь важно видеть, что взгляды Сталина и Ван Мина совпадали в стремлении добиться того, чтобы коммунистические партии были авангардами наций в своих странах.

Главное, на что можно, в данном случае, обратить внимание, это то, что именно Ван Мин понял в 1930-х гг. необходимость для нации Китая сплотиться, оставить все остальные интересы в стороне или отложить решение остальных задач на будущее, и сосредоточиться на главном – на войне за оказание отпора японской агрессии силами единого национального антияпонского фронта в Китае.

Ван Мин проявил себя при этом теоретиком, который нашел правильный политический курс для КПК в то время в Китае. Одновременно, Ван Мин показал Сталину, Димитрову, лидерам коммунистических партий, что среди китайских коммунистов есть человек, достойный возглавлять коммунистическую партию и там, где речь идет о теории, и там, где речь идет о политической практике.

25–27 августа 1935 года на расширенном заседании делегации КПК на Седьмом Конгрессе Коминтерна Ван Мин сделал весьма подробный доклад по вопросам, касающимся антияпонского национального единого фронта.

В этом докладе он подробно разъяснил теоретические, тактические и фактические основы проведения этой политики. Более конкретно разъяснил содержание и значение лозунгов, призывавших к созданию правительства национальной обороны и объединенной антияпонской армии. Разъяснил, что для создания единого фронта необходимы условия компромисса, с которым согласны обе стороны, помимо наших требований к Гоминьдану об уступках с его стороны. Он еще раз разъяснил содержание и значение трех условий, в пределах которых мы готовы пойти на уступки. Он обосновал не только необходимость и возможность для нас создать антияпонский единый фронт с национальной буржуазией, но и возможность и необходимость того, что мы еще должны создать антияпонский единый фронт и с теми политическими и военными силами, которые представляют блок компрадоров США, Англии, Франции, а также вынужденный подняться на сопротивление Японии класс помещиков. Причем

отношение к этим силам следует строить, исходя, с одной стороны, из тактики использования противоречий в стане врагов для мобилизации косвенных резервов; с другой стороны, из тактики завоевания всеми силами всех возможных союзников и т. д. Поскольку этот доклад был сделан на внутривнутрипартийном заседании и не был рассчитан на опубликование, то в нем были приведены самые ясные и исчерпывающие объяснения по различным вопросам формирования и проведения политики антияпонского национального единого фронта. Стенограмма этого доклада до сих пор хранится в китайском разделе архива Коминтерна, и не потеряла ценности как документ, достойный изучения. (С. 209.)

Миф и Крымов на заседании признали совершенные ими ошибки политического и организационного характера. Признание Мифа было искренним, и впоследствии он больше не выступал против политики антияпонского национального единого фронта. Крымов и впоследствии, иной раз вместе с Кан Шэном, втайне занимался действиями, направленными против политики антияпонского национального единого фронта и ее инициатора. (С. 210.)

Ван Мин не только выдвигал задачу перед Коммунистической партией Китая, но и предлагал ей линию поведения по отношению к тем силам внутри Китая, которые так или иначе были связаны с заграницей, с США, Англией, Францией и Японией. Это превращало предложения Ван Мина в вероятную платформу многих различных сил внутри нации Китая, а также, в определенной степени, имело отношение и к ситуации во взаимоотношениях Китая с упомянутыми государствами.

В первой декаде ноября 1935 года Ван Мин выступил в журналах «Большевик» и «Коммунистический Интернационал» со статьями в целях разъяснения новой политики КПК в новой ситуации. (С. 210.)

Непосредственным результатом публикации этих двух статей явилось то, что, с одной стороны, Чан Кайши был вынужден направить своего представителя к Ван Мину на переговоры о сотрудничестве между Гоминьданом и КПК для совместного сопротивления Японии; с другой стороны, среди студенчества в Бэйпине (Пекине) возникло известное антияпонское «Движение 9 декабря» 1935 года. (С. 211.)

Чан Кайши был вынужден прислать своего представителя по той причине, что Ван Мин развил прежнюю тактику «принуждения Чан Кайши к сопротивлению Японии» в тактику «союза с Чан Кайши ради совместного сопротивления Японии». Так в статьях Ван Мина говорилось: если Чан Кайши прекратит антикоммунистическую войну и направит оружие против японского империализма, то компартия Китая и советское правительство готовы стоять с ним и нанкинским правительством, а также его армией, в едином фронте борьбы против японского империализма.

В начале декабря 1935 года Чан Кайши назначил военного атташе своего посольства в Москве Дэн Вэньи своим личным представителем и представителем ЦИК Гоминьдана, который при помощи органов правительства СССР обратился к Ван Мину.

По решению Димитрова, Ван Мин в сопровождении Пань Ханьняня (под псевдонимом «Бай Лин», в качестве личного секретаря) вел переговоры с Дэн Вэньи в гостинице «Москва»; состоялись четыре встречи. (С. 211.)

В ходе первых двух встреч были достигнуты принципиальные соглашения о сотрудничестве между Гоминьданом и КПК ради совместного сопротивления Японии. Обе стороны в принципе согласились также с общими условиями сотрудничества, такими, как прекращение наступления на Красную Армию и Советские районы, предоставление народу демократических свобод и свободы сопротивления Японии, прекращение преследований коммунистов, освобождение всех политических заключенных и т. д.

Однако по более конкретным условиям, таким, как: время начала и ведения антияпонской войны Гоминьданом; районы дислокации Красной Армии и поручаемые ей линии обороны в антияпонской войне; выдача Красной Армии жалования и вооружения и т. д., Дэн Вэнь лишь выдвигал предложения о передислокации китайской Красной Армии в провинции Жэхэ и Чахар, в то время уже оккупированные японскими войсками, а по другим вопросам он не давал ответа.

На третьей встрече он сказал: получена телеграмма Чан Кайши. В ней говорится, что об этих конкретных вопросах можно будет договариваться непосредственно с Чан Кайши в Нанкине, если туда поедет Пань Ханьнянь в сопровождении Дэн Вэнь. Затем Пань Ханьнянь сопровождал бы Дэн Вэнь в поездке в северную часть провинции Шэньси, в уезд Баоань, в городок Ваяопу для переговоров с ЦК КПК. Если возникнут трудности в переговорах сторон, то они вдвоем возвратились бы в Москву к Ван Мину за помощью в разрешении возникших трудностей.

И. В. Сталин придавал исключительно большое значение переговорам между Гоминьданом и КПК. Уже после первого дня этих переговоров, он велел Ван Мину приехать в Кремль, пройти в комнату отдыха президиума проводившейся в то время сессии ВЦИК СССР, и доложить ему и присутствовавшим товарищам из Политбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) о ходе переговоров. (С. 212.)

К сожалению, дальше случилось вот что. После третьего дня переговоров Ван Мин, как обычно, докладывал Димитрову (с участием Д. З. Мануильского) о ходе переговоров. Мануильский, который никак не мог поверить в действительное желание Чан Кайши и Гоминьдана сотрудничать с КПК в целях оказания сопротивления Японии, высказал категорическое несогласие с предложенными Чан Кайши методами продолжения переговоров. Он приводил в качестве основного аргумента свое неверие в гарантию безопасности для Пань Ханьняня. Он предложил потребовать у Дэн Вэнь, чтобы тот написал от имени Чан Кайши заявление о гарантии безопасности Пань Ханьняня, одновременно предоставив делегации КПК 300 тысяч долларов США в качестве залога.

Как Димитров, так и Ван Мин, были против этого предложения, но он многократно и решительно настаивал на том, чтобы при следующей встрече на переговорах выдвинуть предложенные им эти два условия в качестве протеста.

В результате, на четвертом заседании переговоров, Дэн Вэнь воспринял эти два условия не только как оскорбление Чан Кайши, ЦИК Гоминьдана и его лично, но и как показатель отсутствия элементарной искренности у КПК к переговорам между Гоминьданом и КПК о сотрудничестве в деле оказания сопротивления Японии. Это привело к разрыву переговоров, вследствие чего переговоры между Гоминьданом и КПК смогли возобновиться лишь во время «Сианьских событий» в декабре 1936 года. (С. 213.)

Итак, в 1935 году Ван Мин сумел выступить в роли подлинного руководителя Коммунистической партии Китая. Находясь в Москве, выступая в качестве представителя КПК в Коминтерне, получив поддержку своей позиции со стороны Сталина и Димитрова, Ван Мин оказался тем руководителем КПК, с которым Чан Кайши через своего представителя в Москве вступил в переговоры о сотрудничестве между Гоминьданом и КПК в интересах оказания отпора Японии.

Ван Мину удалось на этих переговорах добиться первых успехов. Возникла перспектива конкретизации достигнутых принципиальных договоренностей. Это предполагалось сделать на переговорах в Нанкине.

Однако Мануильский выступил против поездки представителя КПК Пань Ханьняня в Нанкин. Мануильский не верил в возможность согласия Чан Кайши пойти на сотрудничество с КПК. По настоянию Мануильского перед представителем Чан Кайши были поставлены усло-

вия, которые подвергали сомнению честность Чан Кайши. Именно и только по этой причине переговоры были прерваны в конце 1935 года.

Здесь важно подчеркнуть, что Сталин и Димитров поддерживали принципиальную позицию Ван Мина. Однако, очевидно, что Мануильский отражал, очевидно, присущую многим подозрительность по отношению к «классовому врагу», в частности, к Чан Кайши, и Мануильскому удалось настоять на выдвижении неприемлемых для Чан Кайши условий.

Все это свидетельствовало о сложности взаимоотношений и внутри Китая, и внутри Коминтерна, и внутри СССР.

В тоже время оказывалось, что Ван Мин сумел в условиях того времени выдвигать от имени КПК такие предложения, которые отвечали интересам нации Китая, были разумными и с точки зрения Сталина, и с точки зрения Чан Кайши.

Летом 1936 года Димитров после изучения обстановки в Китае и вопросов, связанных с опытом новой государственной власти в Испании, выдвинул лозунг борьбы за создание в Китае «единой Всекитайской демократической республики». Он указал, что эта демократическая республика должна быть «с всекитайским парламентом, созданным на основе всеобщего избирательного права, и всекитайским правительством национальной обороны». Кроме того, он предложил также, чтобы, при условии создания такой единой всекитайской демократической республики, советские районы, уважая волю большинства китайского народа, включались в состав этой единой демократической республики. Они стали бы участвовать во всекитайском парламенте и были бы готовы внедрить на своей территории такой же политико-административный строй, какой будет установлен для всего Китая. Выдвинутый Димитровым лозунг имел большое значение. С одной стороны, он поставил перед Компартией Китая и китайским народом боевую задачу: в ходе антияпонской войны за спасение отечества одновременно бороться за демократизацию государства. С другой стороны, он произвел идеологическую и политическую подготовку к тому, чтобы в будущем в советских районах Китая, при необходимых условиях, перейти к демократическому строю. (С. 214.)

Мысль о необходимости создания в Китае единого национального антияпонского фронта в сочетании с мыслью о возможности осуществления в Китае демократизации государства, создания единой всекитайской демократической республики с включением в нее советских районов, готовых внедрить на своей территории такой же политико-административный строй, какой будет установлен для всего Китая, была принята и поддержана Димитровым.

Здесь важно обратить внимание, что Ван Мин, если не первым, то одним из первых руководителей Коминтерна, выдвинул призыв создавать в Китае, в других странах, которые подвергались агрессии внешнего противника (оказалось, что это было и своего рода предощущение грядущей мировой войны), единство нации и демократический строй, в который соглашалась «вступать» коммунистическая партия, отказываясь от классовой борьбы внутри страны. Конечно, при условии, что будет достигнута договоренность о характере перехода к такому демократическому строю.

Так оказывалось, что Ван Мин тогда выходил на первую линию при определении как «задач сегодняшнего дня», так и лозунгов, определявших будущее.

Летом 1936 года Чан Кайши разрешил мирным путем военный конфликт с лидерами провинций Гуандун и Гуанси на условиях совместной подготовки к антияпонской войне за спасение отечества. И. В. Сталин считал, что теперь КПК уже может выдвинуть лозунг: «Поддержка Чан Кайши и создание антияпонского национального единого фронта на основе сотрудничества между Гоминьданом и Компартией Китая».

Этот лозунг, выдвинутый Сталиным, имел огромное историческое значение. С одной стороны, он развил тактику «союз с Чан Кайши ради сопротивления Японии» в тактику «поддержка Чан Кайши ради сопротивления Японии». С другой стороны, он развил лозунг «КПК готова к созданию Антияпонского национального единого фронта с Гоминьданом и всеми другими партиями и группировками» в лозунг «Создание антияпонского национального единого фронта на основе сотрудничества между Гоминьданом и КПК». Сотрудничество двух крупнейших политических и военных сил Китая – Гоминьдана и КПК – поставлено в качестве основы для создания антияпонского национального единого фронта, что придало делу создания национального единого фронта всех антияпонских партий и всех антияпонских армий всего Китая более конкретное и более реальное содержание.

Исторические факты доказали: без антияпонского сотрудничества этих двух крупнейших военно-политических сил, невозможна антияпонская война за спасение отечества всего китайского народа в едином строю. И наоборот, как только эти две крупнейшие военно-политические силы достигли соглашения о совместном сопротивлении Японии, они становились основой для сплочения всего народа ради совместной антияпонской войны за спасение отечества. (С. 215.)

Эти лозунги были выдвинуты Димитровым и Сталиным. Димитров и Ван Мин писали об их содержании в своих статьях по случаю 15-летия КПК. В статье Ван Мина эта республика характеризовалась как Всекитайская народная демократическая республика. (С. 216.)

Так или иначе, какую бы роль не отводить Ван Мину при появлении призыва к созданию единого национального антияпонского фронта в Китае, он не «шел за кем-то», не «действовал по чьим-то указаниям», а занимал самостоятельную и инициативную позицию.

Оказалось, что в создавшейся в ходе военного противостояния между Китаем и Японией обстановке, Сталин, Димитров и Чан Кайши, каждый по-своему, выступали за то, что предлагал, о чем писал и говорил Ван Мин.

Возникла реальная возможность компромисса внутри Китая в целях сотрудничества Гоминьдана и КПК в борьбе против японской агрессии, возникала приемлемая формула существования после победы над Японией – Всекитайская народная демократическая республика.

В книге о Ван Мине его родственники рассказывают о «Сианьских событиях» 1936 года, об указаниях Коминтерна, которые он направил ЦК КПК в связи с этими событиями, а также о том, почему статья Ван Мина «О событиях в Сиани» была подписана псевдонимом «Джек».

В ту же ночь (12 декабря 1936 года), когда произошли события в Сиани, Сталин прислал Димитрову и Ван Мину записку, написанную им своей рукой карандашом, в которой было сказано: «Сианьские события играют на руку японскому империализму». Он велел им немедленно дать телеграмму в ЦК КПК в качестве директивы Коминтерна относительно Сианьских событий. Димитров спросил у Ван Мина, какие у него соображения по поводу этой директивы. Ван Мин ответил:

Мне кажется, что в такой директиве речь касалась бы только одного вопроса. Существуют два возможных исхода решения Сианьских событий. Одна возможность – лидер прояпонской группировки Ван Цзинвэй, который только что беседовал с Гитлером и спешно возвращается в Китай, прибудет в Нанкин, и если бы ему удалось развязать в невиданных до сих пор масштабах гражданскую войну против КПК и Чжан Сюеляна и Ян Хучэна, то в таком случае события в Сиани объективно породили бы выгодные японскому империализму последствия. (С. 216.) Другая возможность – Сианьские события разрешатся мирным путем, между КПК, Чжан Сюеляном, Ян Хучэном и Чан Кайши будут достигнуты соглашения о прекращении гражданской войны и совместном сопротивлении Японии; в таком случае Сианьские события принесли бы

результаты, благоприятные китайскому народу и неблагоприятные японскому империализму. (С. 216–217.)

Димитров сказал:

Скажу откровенно: я согласен с вами.

Ван Мин говорит ему:

Тогда сейчас же позвоним товарищу Сталину и попросим его принять нас, чтобы изложить ему наше мнение.

Димитров на это ответил:

Поскольку товарищ Сталин лично прислал директиву и велел нам немедленно передать ее, то это значит, что он совершенно уверен в правоте своего мнения и не считает необходимым обмениваться мнениями с нами. В таких случаях нельзя высказывать ему никакое несогласие, можно лишь поступать согласно его указаниям.

На другой день Сталин велел Ван Мину немедленно написать статью «О событиях в Сиани» и опубликовать ее в журнале «Коммунистический Интернационал». Когда Ван Мин принес Димитрову на просмотр рукопись статьи, Димитров предложил изменить небольшую часть в начале статьи, в которой дана оценка двух возможных исходов разрешения Сианьских событий, таким образом, чтобы она в основном совпадала с содержанием оценки Сталина.

Ван Мин сказал:

Если я, как представитель КПК в Коминтерне, написал бы в своей статье только одну оценку, – ту, что дал товарищ Сталин, то это могло бы создать большие трудности для делегации ЦК КПК, находящейся в Сиани для контактов с Чжан Сюеляном и Ян Хучэном и для совместных с ними переговоров с Чан Кайши.

Димитров сказал:

Я вас понимаю. Тогда я распоряжусь, чтобы ту небольшую часть статьи изменили, а затем напечатали ее не под вашим именем, а под именем «И. Джек».

Увидев эту статью, Сталин спросил у Димитрова, почему статья Ван Мина напечатана под именем «И. Джек». (С. 217.) Димитров рассказал Сталину о мнении Ван Мина по поводу Сианьских событий, а также об обстоятельствах того, почему он напечатал эту статью не под своим именем. (С. 217–218.)

В то время Сталин ничего не сказал по этому поводу. Через полтора месяца после мирного разрешения Сианьских событий, Сталин говорил Димитрову:

Если бы наша директива ЦК КПК по Сианьским событиям была составлена примерно так, как Ван Мин предлагал, было бы целесообразнее.

Он также просил Димитрова передать Ван Мину это его мнение. (С. 218.)

Факты, о которых здесь говорится, дают представление и о характере Сианьских событий и о позиции Ван Мина по этому вопросу.

Прежде всего, необходимо упомянуть о том, что во взаимоотношениях СССР и КПК, ВКП(б) и КПК, Коминтерна и КПК, сложились такие отношения, что все стороны исходили, в конечном счете, и главным образом, из совпадения их коренных интересов. Причем это были не только интересы коммунистических партий, но и интересы национальных сообществ или наций.

В случае с Китаем речь шла об интересах нации Китая, а с нападением Японии на Китай, главным здесь стала борьба за выживание, за существование нации Китая, китайцев как нации.

Здесь и возникла необходимость восстановления в 1932 году дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой, и возможность поисков сотрудничества, компромисса между КПК и Гоминьданом.

Все это понимали руководители в Коминтерне, в ВКП(б) – СССР.

Ван Мин в те годы действовал, в значительной степени подчиняясь указаниям Коминтерна, когда речь шла о месте его пребывания и работы.

Он не сам решал, где ему быть. Так получилось, что его направили в Китай, а затем под угрозой наказания за возможное нарушение партийной дисциплины вернули в Москву.

И вот в Москве в эти годы Ван Мин сыграл не просто незаменимую роль, но правильно отражал коренные интересы нации Китая, и при этом сумел убедить в правильности своей точки зрения и Сталина, и Димитрова.

Ван Мин оказался тогда в Москве нужен и Китаю, и СССР, и Коминтерну.

Именно Ван Мина воспринимал как того, с кем можно вести переговоры и договариваться Чан Кайши. Это был чрезвычайно важный позитивный фактор при развитии отношений и между Гоминьданом и КПК, и между Китайской Республикой и СССР.

Важно и то, что Ван Мин правильно понимал то, что происходило в Китае, в частности, что собой представляли Сианьские события, и смог доказать Сталину и Димитрову, что он был прав.

Первая реакция Сталина на Сианьские события была следующей: «Сианьские события играют на руку японскому империализму».

Ван Мин увидел и сумел разъяснить, что такое отношение к этим событиям могло быть использовано японцами и их марионеткой в Китае Ван Цзинвэем.

Важно обратить внимание на то, что Ван Цзинвэй тогда только что побывал «в гостях» у Гитлера.

Возникла вероятность того, что неправильное отношение коммунистических партий, то есть и ВКП(б), и КПК, к Сианьским событиям, могло дать возможность Ван Цзинвэю использовать исход Сианьских событий (то есть, очевидно, физическое устранение Чан Кайши) для того, чтобы развязать внутри Китая невиданную по масштабам грандиозную гражданскую, или внутреннюю, войну против КПК, Чжан Сюеляна и Ян Хучэна.

Ван Мин предложил идти к мирному решению Сианьских событий, то есть, по сути дела, к освобождению из-под ареста Чан Кайши, к договоренности между ним и КПК о создании единого национального антияпонского фронта. По сути дела, Ван Мин предотвратил возникновение в Китае в добавление к японской агрессии действительно широкомасштабной внутренней, внутри китайской, войны между частью нации Китая во главе с Ван Цзинвэем против части китайской нации во главе с КПК. Ван Мин сумел настоять на том, чтобы «миром внутри Китая», соглашением между Гоминьданом и КПК заменить маячившую тогда перспективу войны внутри Китая между самими китайцами.

Первоочередная публичная реакция на эти события отражала указания или мнение Сталина.

Однако, на практике, фактически, Сианьские события разрешились так, как это предлагал Ван Мин. Сталин, в конечном счете, согласился с мнением Ван Мина.

Таким образом, создавалась «цепь контактов», «цепь взаимопонимания» между Сталиным и Ван Мином. Сначала состоялся их «разговор на ходу» по пути с мероприятия по случаю возвращения в СССР Максима Горького. Потом была продолжительная беседа в 1935 году, в ходе которой Ван Мин обосновывал возможность создания единого национального антияпонского фронта в Китае. Затем последовали переговоры Ван Мина и представителя Чан Кайши в Москве, естественно с ведома и по решению Сталина.

Наконец. Ван Мин предложил отвечающее совпадению интересов КПК и Гоминьдана внутри Китая, СССР и Китайской Республики в их двусторонних отношениях решение Сианьских событий.

Здесь нужно учесть, что представители правительства Китайской Республики тогда, когда Чан Кайши находился под арестом, заверили Сталина, что мирное решение вопроса

и освобождение Чан Кайши из-под ареста даст возможность решить вопросы, имевшиеся в советско-китайских отношениях.

Ван Мин сумел предложить путь к миру внутри Китая вместо войны внутри Китая, а также путь к единству нации Китая в борьбе против угрозы ее порабощения со стороны Японии.

Так проявлялось понимание Ван Мином совпадения коренных интересов, как внутри нации Китая, так и во взаимоотношениях России (СССР) и Китая (Китайской Республики и КПК).

Все это не только создавало определенное доверие и уважение во взаимоотношениях Сталина и Ван Мина, но и отвечало совпадению коренных интересов двух наций – России (тогда СССР) и Китая (тогда Китайской Республики и КПК).

Телеграмма ЦК КПК третьему пленуму ЦИК Гоминьдана, направленная 10 февраля 1937 года, заложила основные условия сотрудничества между Гоминьданом и КПК в деле местного сопротивления Японии.

Чан Кайши тогда созвал этот пленум ЦИК Гоминьдана главным образом для разрешения вопроса о сотрудничестве между Гоминьданом и КПК при оказании сопротивления Японии. Однако прояпонская группировка во главе с Ван Цзинвэем и элементы, слепо придерживавшиеся антикоммунизма, оказывали сильное давление на Чан Кайши и на упомянутый пленум.

Они обвиняли Чан Кайши в том, что он после того, как его арестовали в Сиани, капитулировал перед КПК и Чжан Сюеляном с Ян Хучэном, приняв их условия.

Они заявляли, что в Китае существуют два совершенно разные правительства и две совершенно разные армии, к тому же длительное время между ними ведется гражданская война. И поэтому, мол, нет возможности сплотить всю нацию воедино на антияпонскую войну. Под этим предлогом они препятствовали решению третьего пленума ЦИК Гоминьдана о сотрудничестве Гоминьдана и КПК при оказании сопротивления Японии. (С. 218.)

После Сианьских событий и до начала Японией 7 июля 1937 года вторжения в собственно Китай, ситуация в Китае в том, что касалось положения в стране и отношения к Японии была сложной.

Это была сложность международного порядка и сложность порядка вещей внутри Китая.

На человечество в 1930-х гг. надвигалась Вторая мировая война. Она надвигалась и на Дальнем Востоке, в Азии, включая Индию, на Тихом океане, включая США. Она надвигалась и в Европе, в Атлантике, применительно к США.

Поэтому все события, происходившие в Китае, имели к этому отношение.

Япония в 1931 году отторгла у Китая Маньчжурию. На этой земле Япония создала марионеточное государство – Маньчжоу-Го. У этого государства была своя армия. Иными словами, японцы создали военное противостояние между китайцами.

Далее Япония вела дело к появлению своего рода монгольского государства во Внутренней Монголии, в этой части Китая. И там возникала ситуация военного противостояния китайцев и монголов.

Но и осознания этого было мало для понимания ситуации.

Формально и официально признанным в мире было тогда только одно государство на территории континентального Китая. Это была Китайская Республика.

После вторжения Японии в Маньчжурию создалась странная ситуация. Можно даже сказать, что это была своего рода «странная война» в Китае, которая предшествовала «странной войне» в Европе, во Франции.

Китай, Китайская Республика, не объявляла войну Японии. Одновременно Китайская Республика поддерживала связи с Германией Гитлера. У Чан Кайши работали немецкие военные советники.

Шла своего рода игра в треугольнике: Китай – Германия – Япония.

К этому необходимо прибавить и то, что Китайская Республика была вынуждена в 1932 году восстановить отношения с СССР, а летом 1937 года заключить с СССР договор, следствием которого фактически было превращение СССР и Китайской Республики в союзников при оказании отпора японской военной агрессии.

И при всем этом внутри Китайской Республики, в Гоминьдане тоже не было единства. Да, Чан Кайши не оказывал вооруженного сопротивления Японии. Да, среди гоминьдановских генералов имелись те, кто требовал начала настоящей войны против агрессии Японии.

В то же время внутри Гоминьдана существовала группировка во главе с Ван Цзинвэем. Она считала, что главное для нее, для Гоминьдана, для Китайской Республики, исходить из того, что в Китае одновременно существуют два разных правительства, две власти, коммунистическая и гоминьдановская; что существуют две армии, армия Гоминьдана и армия КПК, что между ними идет внутренняя китайская или гражданская война. И главным для Гоминьдана должно быть стремление победить, прежде всего, в этой внутренней войне. Ван Цзинвэй, очевидно, видел и в Гитлере, и в японцах те внешние силы, которые могли помочь ему и его сторонникам победить их «общего врага»: КПК и ее вооруженные силы.

Так возникала перспектива объединения Ван Цзинвэя, его сторонников, сначала с Гитлером, а впоследствии и с Японией.

Такая ситуация требовала от КПК сделать вывод о том, что, как бы там ни было, а, все-таки, была возможность и необходимость, при определенных условиях, вступить в союз, в единый фронт с Чан Кайши, то есть создать единый национальный антияпонский фронт из Гоминьдана и КПК.

Из этого исходил Ван Мин. Это было прозрение. Он понял, что коренные интересы нации могут заставить Чан Кайши пойти на сотрудничество с КПК. КПК же должна, со своей стороны, идти на уступки, на компромисс, и вступать в такое сотрудничество.

В результате всего этого, в том числе и благодаря позиции Ван Мина, Китай, нация Китая, оказалась перед выбором: предпочесть ли гражданскую или внутреннюю войну, видеть в гитлеровцах и в японцах тех, кто может помочь справиться с китайскими коммунистами, или создавать единый национальный антияпонский фронт.

В конечном счете, между этими двумя противостоявшими одна другой внутри Гоминьдана силами произошел раскол. Появился упомянутый единый фронт. Заслуга в его появлении принадлежала и Ван Мину.

В это время Сталин позвонил Димитрову и велел передать Ван Мину (С. 218.):

Немедленно официально сообщить телеграммой в ЦК КПК выработанные Ван Мином для Гоминьдана на последней стадии переговоров с ним ради сотрудничества двух партий в сопротивлении Японии так называемые три условия наших уступок (то есть следующие три условия: первое – во имя прекращения гражданской войны прекратить конфискацию помещичьих земель; второе – во имя организации всекитайского единого правительства национальной обороны переименовать китайское Советское правительство в местное демократическое правительство; третье – во имя организации всекитайской единой Объединенной антияпонской армии переименовать Китайскую рабоче-крестьянскую Красную Армию в Народно-революционную армию); чтобы ЦК КПК, объединив эти условия с условиями уступок, которые мы потребуем у Гоминьдана (Это были: 1. Прекратить все войны в стране, обратить все силы вовне; 2. Свобода слова, собраний, союзов, освобождение всех политзаключенных; 3. Созыв конференции представителей всех партий, групп, слоев общества и войсковых формирований,

концентрация способных людей для совместного спасения Отечества; 4. Немедленно приступить к полномасштабной работе по подготовке войны сопротивления японской агрессии; 5. Улучшение условий жизни народа.), послал телеграмму третьему пленуму ЦИК Гоминьдана и тем самым разбить различные предлоги прояпонской группировки и способствовать достижению соглашений о сотрудничестве между Гоминьданом и КПК. (С. 218–219.)

Летом 1936 года Сталин из-за недоразумения выражал несогласие с этими тремя условиями. Поэтому Димитров на одном из заседаний Секретариата ИККИ того времени также высказал свою критику. Но когда Димитров доложил Сталину о сделанных Ван Мином на заседании Секретариата ИККИ подробных разъяснениях по этому вопросу, Сталин больше не выражал несогласия. Теперь он тем более предложил послать эти три условия Гоминьдану.

При публикации добавили еще и четвертое условие: во всекитайских масштабах прекратить восстания, направленные на свержение гоминьдановского правительства. (С. 219.)

По прямому указанию Сталина 5 марта 1937 года Секретариат ИККИ отправил ЦК КПК телеграмму. В ней содержались все три «условия – уступки» Гоминьдану со стороны КПК, предложенные Ван Мином летом 1936 года. В этой телеграмме говорилось, что КПК готова начать конкретные переговоры на основе выдвинутых третьим пленумом ЦИК Гоминьдана условий. (С. 220.)

«Что касается трех принципов Сунь Ятсена, то КПК и ранее не считала их неприемлемыми для себя, и она готова бороться за осуществление этих принципов национального освобождения (освобождения нации), демократической свободы (свободы и демократии) и благосостояния народа. Что касается вопроса о классовой борьбе, то КПК неоднократно доказала свое искреннее стремление к объединению всех слоев китайского народа в единый национальный фронт для совместной борьбы против внешней агрессии. В этих целях КПК уже неоднократно призывала к прекращению гражданской войны, самовольно объявила о прекращении конфискации помещичьих земель и т. д.

Секретариат ИККИ». (С. 221.)

Таким образом, очевидно, что процесс осознания необходимости создания единого национального антияпонского фронта в Китае был длительным и сложным. Ван Мин был первым политиком, который выступил с таким предложением.

Постепенно и в СССР, и в КПК, и в Гоминьдане пришли к выводу о необходимости создания единого национального антияпонского фронта в Китае. Это играло свою роль в истории Китая. Это сыграло свою роль и в ходе Второй мировой войны.

Димитров в беседе с делегацией КПК в Коминтерне 13 ноября 1937 года поручил товарищам из делегации передать ЦК КПК: «Товарищ Ван Мин выдвинул политику антияпонского национального единого фронта. Это является не только большой заслугой перед компартией Китая, но и большой заслугой перед всем китайским народом и всей китайской нацией».

Мао Цзэдун в то время в своих выступлениях не мог не признавать открыто: «У товарища Ван Мина две большие заслуги перед партией: во-первых, он руководил борьбой против линии Ли Лисаня; во-вторых, он выдвинул политику антияпонского национального единого фронта». (С. 225.)

Одновременно он особо подчеркивал: «Выдвинутая товарищем Ван Мином политика антияпонского национального единого фронта является великим открытием. (С. 225–226.) Без этой политики наша партия и Красная Армия не могли бы преодолеть трудные условия в северной части провинции Шэньси. Без этой политики не было бы антияпонской войны всего китайского народа». (С. 226.)

Однако когда Мао Цзэдун проводил «кампанию по упорядочению стиля» (1941–1945 гг.), направленную на фальсификацию истории КПК, на борьбу против ленинизма, Коминтерна, Советского Союза и КПК, он изменил свои взгляды по всем вопросам истории

КПК. В это время он уже совершенно беззастенчиво утверждал, что это им была выдвинута политика антияпонского национального единого фронта. (С. 226.)

Ван Мин оказался «впереди» Мао Цзэдуна в вопросе о соотношении классовой борьбы в Китае и антияпонской войны.

Мао Цзэдун, в свое время, был вынужден признавать эту заслугу Ван Мина перед народом Китая, перед КПК.

В то же время впоследствии Мао Цзэдун попытался приписать себе выдвижение политики единого национального антияпонского фронта.

Ван Мина необоснованно обвиняли в том, что он якобы предлагал расстрелять Чан Кайши, когда того арестовали в Сиани в декабре 1936 года. (С. 237.)

И это свидетельствовало о том, что ситуация тогда и в Москве была настолько сложная, что возникали и такого рода слухи. Ван Мину приходилось опровергать все это.

От Коминтерна главным военным советником руководства КПК в Шанхае был М. Штерн. Его заместитель О. Браун (псевдоним – Ли Дэ) был в главном штабе китайской Красной Армии и непосредственно участвовал в руководстве военными действиями.

Между тем одна из излюбленных и ключевых тем «критиков» Ван Мина в КНР заключается в измышлении о «передаче» Ван Мином «всей полноты военной власти партии иностранцу» Ли Дэ. А ошибочные стратегические и тактические решения Ли Дэ, мол, с военной точки зрения, и вынудили к эвакуации из Центрального советского района. Причем ради сохранения «логической стройности» этой версии» вообще умалчивается о самом существовании главного военного советника М. Штерна, а так же и о том, что Ван Мин и О. Браун просто не были знакомы друг с другом. Между ними не было ни одной встречи, не было и переписки. Отто Браун был мужественным и преданным борцом за китайскую революцию. (С. 273.)

Здесь восстанавливается историческая правда, в частности, дается оценка Ван Мином того, что в свое время О. Браун сделал в Китае.

Начиная с 1932 года и до ухода китайской Красной Армии из Советских районов, Ван Мин несколько раз собирался вернуться в Китай. Условий для этого не было.

В 1937 году принесли плоды усилия по созданию Антияпонского национального единого фронта. Удалось отправиться обратно в Китай – и легальным путем – только 14 ноября 1937 года, благодаря устному заявлению Чжан Чуна, представителя Чан Кайши, присланного в Москву на переговоры с Правительством СССР, который сказал:

Чан Кайши прислал телеграмму, в которой предложил мне от его имени пригласить господина Чэнь Шаоюя вернуться в страну и принять участие в работе по руководству войной сопротивления Японии.

Чан Кайши при этом велел Чжан Чуну «сопровождать господина Чэнь Шаоюя на специальном самолете при возвращении на родину». Сталин и Димитров решили, что Ван Мин должен легальным образом возвратиться на родину, воспользовавшись этим вежливым приглашением Чан Кайши. (С. 275.) А он, несомненно, знал, что в условиях сотрудничества между Гоминьданом и КПК и начала антияпонской войны Ван Мин может очень быстро вернуться на родину, независимо от того пригласит он его или нет. (С. 275–276.)

Вечером 13 ноября Димитров пригласил Ван Мина к себе в гости. Он поручил товарищам из делегации КПК в Коминтерне, возвращающимся в Китай, передать ЦК КПК: «Товарищ Ван Мин выдвинул политику антияпонского национального единого фронта, что является большой заслугой не только перед Компартией Китая, но также перед китайским народом и всей китайской нацией». (С. 276.)

Итак, в 1931 году Ван Мин, выполняя приказ Коминтерна, приехал из Китая в СССР.

Он находился там до 1937 года. К этому времени и в КПК, и в СССР, и Чан Кайши признали авторитет Ван Мина, особенно его заслуги в выдвижении политики единого национального антияпонского фронта. Ван Мин вырос за это время в фигуру, отражавшую интересы не только КПК, но и нации Китая. При этом у него были возможности достигать взаимопонимания со Сталиным и договариваться с Чан Кайши.

Ван Мин оказался необходим и КПК, и Чан Кайши в Китае, в том числе и как тот политик, с которым можно договариваться при совпадении интересов сторон.

В СССР сочли важным согласиться на то, чтобы Ван Мин вернулся в Китай легально, причем, даже с участием в этом Чан Кайши.

7. В Китае: 1937–1950 гг.

Жизнь Ван Мина сложилась таким образом, что у него оказались «два дома»: один дом в Китае, другой дом в России (в СССР).

Он сам выбрал себе такую судьбу. Его интересы, то, чем он занимался, чем он жил, требовали от него находиться, жить и действовать то в одной, то в другой стране.

При этом он всегда стремился исходить из того, что он понимал, как коренные интересы нации Китая. Да, речь шла о претворении в жизнь принципов марксизма-ленинизма, но это в основном совпадало с интересами народа Китая. Китая как страны, то есть нации Китая.

Ван Мин вернулся в Китай в 1937 году, спустя шесть лет после того, как он уехал в СССР. В Советском Союзе он встречался с рядом трудностей и сложностей и во взаимоотношениях между китайцами, находившимися в Москве, и во взаимоотношениях с руководителями различных коммунистических партий, работавших в Коминтерне, то есть в международном сообществе, и во взаимоотношениях с руководителями ВКП(б) – СССР. Однако все это не шло ни в какое сравнение с тем, с чем ему пришлось столкнуться после возвращения в Китай в 1937 году.

Дело было в том, что именно за те годы, пока Ван Мина не было в Китае, к власти над КПК фактически пришел Мао Цзедун. Его личность, его характер давили на руководство Компартии Китая. Подозрительность Мао Цзедуна ко всем и вся стала играть важнейшую роль, воздействуя на обстановку, на атмосферу в партии.

Мао Цзедун направлял свои главные усилия на то, чтобы путем интриг захватывать власть и удерживать ее в своих руках, безжалостно расправляясь со всеми, в ком он видел своих противников.

Именно так он относился к Ван Мину. Практически почти все руководители КПК, находившиеся в Яньани, отражая взгляды и настроения Мао Цзедуна, относились к Ван Мину, как к «инородному элементу».

Ван Мину пришлось работать именно в атмосфере того «дома, который построил Мао Цзедун», и в котором на него смотрели, главным образом, как на кого-то «чужого» и «чуждого», а то и как на «агента или лакея иностранцев»; недаром Мао Цзедун называл и считал Ван Мина «сыном Сталина» и фактически требовал от своих приверженцев именно так относиться к Ван Мину.

Ван Мин выехал из Москвы 14 ноября 1937 года. Шестилетнюю дочь Юйфан (Фаню) оставили в семье Димитровых, где ее очень любили и были готовы растить и воспитывать ее.

Группа доехала до Алма-Аты поездом, затем на самолете ТБ-3 до города Дихуа (ныне Урумчи) – главного города Синьцзяна.

Из Москвы выехали пять человек: Ван Мин, Кан Шэн, Цзэн Шань. Мэн Циншу, Цао Ию (жена Кан Шэна). В Урумчи к ним присоединился Чэн Юнь. Вместе с ними летел и представитель Чан Кайши.

Губернатор Синьцзяна Шэн Шицай поддерживал хорошие отношения с СССР и с КПК. Поэтому принимал группу радушно. В Синьцзяне находились 600 человек, оставшихся от Западной колонны китайской Красной Армии. (С. 276.)

Советские летчики впервые проложили тогда маршрут Москва – Яньань (из Урумчи через Ланьчжоу).

Группа прилетела в Яньань 29 ноября 1937 года. Группу встречали руководители КПК: Чжан Вэньтянь, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Пэн Дэхуай и др. Мао Цзедун при встрече сказал:

Сегодня мы встречаем радость, спустившуюся с неба, товарища Ван Мина – разработчика политики антияпонского национального единого фронта. (С. 277.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.